

Никита КРИЧЕВСКИЙ

НАСЛЕДИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Истоки русского
экономического
характера



Никита Кричевский

**Наследие противоречий.
Истоки русского
экономического характера**

«Дашков и К»

2016

УДК 330
ББК 35

Кричевский Н. А.

Наследие противоречий. Истоки русского экономического характера / Н. А. Кричевский — «Дашков и К», 2016

ISBN 978-5-394-02687-4

Эта книга о противоречивом характере русской экономики. О том, почему мы часто поступаем в соответствии с далекими от рациональных мотивами, что подталкивает нас к семейной кооперации, каковы «спящие» черты нашего менталитета, разбудив которые, дополнив их достижениями современной экономической теории, мы можем выйти на траекторию устойчивого развития. Книга об алогичной роли государства в русском национальном хозяйстве, о значении семьи и общины, об идее справедливости, на которой можно выстроить ключевые постулаты мобилизационной экономики. Издание адресовано самому широкому кругу думающих читателей: студентам, аспирантам, исследователям в сфере социальных наук, бизнесменам, чиновникам, домохозяйкам, всем, кто переживает за судьбу нашей Родины.

УДК 330
ББК 35

ISBN 978-5-394-02687-4

© Кричевский Н. А., 2016
© Дашков и К, 2016

Содержание

Введение	6
Глава 1. Великое расхождение	9
Этос	10
Ресурсное проклятие[5]	15
Церковь	19
Глава 2. Моральная экономика	24
Без напряжения	25
Чаяновские заветы	33
Потребительское смятение	35
Глава 3. Один в поле не воин	38
Родня	39
Варяги и дружины	42
Кто первый встал	45
Слияние земель	48
Демократия и коллектив	49
Как у людей	51
Глава 4. Один за всех и все за одного	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Никита Александрович Кричевский

Наследие противоречий: истоки русского экономического характера

© Кричевский Н. А., 2016

© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2016

* * *

Всем российским пенсионерам с благодарностью

Введение

Почему в России, несмотря на применение самых разных прозападных экономических теорий – от монетаризма и индивидуализма до кейнсианства и институционализма, – уже четверть века не удастся построить эффективную экономику? Ответ вполне очевиден: все эти теоретические воззрения в той или иной степени не учитывают главного актора экономических действий – человека, его менталитет. Проще простого принять за основу механистическую умозрительную модель *homo economicus* (человека экономического), а дальше подбирать по своему усмотрению меры по активизации потребностей “умной машинки”. Лишь немногие понимают, что экономика – наука не физиократическая, не “разновидность социальной математики, в которой математическая точность – это все, а эмпирическая релевантность – ничто”¹, а система знаний о хозяйственном взаимодействии социума. Следовательно, многие действия индивидуумов связаны не столько с утилитарным удовлетворением желаний, сколько с идеологией, религией, этикой, психологией, особенностями национального характера.

Фридрих фон Хайек говорил об этом так: “Я старался обнаружить линии развития, связывающие экономику с событиями, которые обычно к ней не относят. Но когда мы обнаруживаем эти связи, становится очевидно, что мало признать их наличие. Речь идет о нитях, которые идут от экономики к другим сферам жизни общества – к политике, религии, науке и технике. Там они укрепляются и, возвращаясь в экономику, обогащают ее. Я не приложил особых усилий, чтобы проследить эти пути, но меньше всего хотелось бы отрицать их существование”². Вот именно – нити, связывающие общество на ментальном уровне, обогащают экономику, наполняют ее дополнительным содержанием, выводят на путь устойчивого развития. Задумываемся ли мы об этом в повседневной суете требований к действующей власти, неумело оправдывающейся за незнание того, что является безусловным?

Экономика современной России пока системно отделена от этики и морали, что также теоретически объяснимо: неписанные нормы социальной кооперации, межпоколенческого взаимодействия, общественной справедливости не имеют четкого экономико-математического выражения, а потому отбраковываются вследствие сложности, малоизученности, непредсказуемости. “Нашему правительству с народом не повезло”, – вот квинтэссенция неспособности власти примерить идеализированные формальные правила к действующим общественным установкам. Об упорядочивании государством эволюционно меняющихся ментальных устоев, раз уж их нельзя изменить имеющимися способами, и речи нет – не по Сеньке шапка.

Многие навязываемые в России либеральные институты не приживаются на нашей общинно-патерналистской почве, и чем больше их насаждают, тем сильнее общественное отторжение, тем дальше расстояние до возврата к неписанным традициям и правилам. Эффективность работы институтов лишь отчасти зависит от устанавливаемых правил игры, не меньшую долю успеха приносит степень соответствия этих правил утвердившейся этике. К счастью, мы все понимаем, для чего существуют правила, значит, нам будет легче достигнуть соглашения относительно качественного институционального насыщения нашей экономической системы. Однако без знания особенностей стиля жизни нации, ее психологии, иерархии ценностей осуществить эту в целом не такую уж сложную операцию, как показывает предшествующий опыт, невозможно. “Единственный способ, которым мы можем стремиться к объективности в теоретическом анализе, – это вывести наши ценности из тени на

¹ Ссылки на источники цитат приводятся в конце каждой главы.

свет, осознать их, ...открыто заявить о них и позволить им определять теоретические исследования”³.

В экономике, как и в социальной психологии или в межличностных коммуникациях, простых и одновременно продуктивных решений не бывает. Вместе с тем у современного поколения исследователей есть обширная историческая и статистическая база для анализа, массив, общие закономерности которого, как правило, расходятся с общепринятой в современном мире экономической теорией. Открытые рынки, свободная торговля, совершенная конкуренция, исчерпывающая информация, равновесие спроса и предложения вне пространства и времени – метафоры из области научно-экономической фантастики, образ мышления для создания книжных физических или экономико-математических моделей, не совпадающих с действительностью, однако методично, иногда – с остервенением внедряемых их статусными адептами. С таким же успехом в России можно развивать рыбоводство, надеясь, что однажды на свет появится золотая рыбка или волшебная щука.

Книга, которую вы держите в руках, – о том, что русский человек (под русскими в книге подразумеваются все жители нашей многонациональной России, а не только те, кто причисляет себя к этническим русским) отличается и от разнородных жителей Европы с Америкой, и от пестрого населения Азии. Эта в целом банальная, но почему-то пока еще не общепринятая истина должна стать главным принципом при разработке любой экономической программы для России и одной из доминант нового направления экономической мысли – ментальной экономики.

У нас всегда было в избытке территории, земельных, водных, лесных ресурсов, полезных ископаемых, вместе с тем мы живем в стране с неблагоприятными природно-климатическими условиями, где выживание важнее благообразности. Древнее зодчество у нас преимущественно деревянное, неказистое – мы всегда держали в уме возможность бросить, несмотря на вложенные усилия, свой земельный надел, разобрать пятистенки и двинуться вглубь России, уходя от внешнего врага, непомерного тягла или дурного воеводы.

“Домашнее”, из своих же сородичей рабство (холопство) в противовес рабам-иноземцам (челядинам) у нас было отменено только в начале XVIII в., а крепостничество – в середине века XIX. Причем в рабы мы часто вступали добровольно, по желанию или по любви, при этом могли копить, зарабатывать на стороне, получать волю без какого-либо выкупа.

Мы патерналисты и всегда стремились заложиться за сильного: слишком тяжелы были последствия неурожаев, капризов природы, войн или лиха. Семья у нас четко патриархальная, а община – наоборот, демократическая. Мы знаем положительные и отрицательные стороны народного волеизъявления, но предпочитаем, чтобы нашей национальной семьей управлял большак.

Мы общинники и привыкли жить, опираясь на мини-социум, контактируя, впрочем, и с другими социальными мини-стратами. В то же время на протяжении многих веков мы искренне не понимаем, на каких основах формируются провластные семьи или элиты. Мы не прикладываем к их появлению и возвышению равным счетом никаких усилий (мало того – нас часто используют в этих целях), однако пребываем в наивной уверенности, что члены этих кланов нам что-то должны.

Мы всегда горой стояли за свою Родину и готовы были пожертвовать жизнью ради общей семьи, но одновременно наместникам от государства не доверяли, стремясь всеми способами защитить невидимый материальный рубеж, отделявший наши интересы от государственных. Даже после относительно позднего по сравнению с Европой появления банков мы продолжали тайно, незаметно для власти сберегать, причем как индивидуально, так и коллективно.

Ревностно оберегая припрятанное “на черный день” от властей, мы все же снова и снова одалживали государству, интуитивно осознавая, что нас, как всегда, обведут вокруг

пальца. Тем не менее отказ в помощи нашей большой семье всегда был равносителен предательству. Трусов мы ненавидели, но, по совпадению, именно трусы, особенно в последние столетия, круто меняли русскую государственную сущность.

Коллективизм, наша общинная природа, проявляется в самых разных неформальных институтах, в том числе в круговой поруке. Мы много раз обманывались, знали о неприятностях других, но снова и снова руководствовались губительным с экономической точки зрения, но единственно верным для русского человека принципом “сам погибай, а товарища выручай”.

Мы никогда не оценивали права собственности с формальных позиций, но всегда – под углом зрения потраченного на тот или иной объект труда. К торговле и посредничеству относились пренебрежительно, полагая, что истинный труд – не в реализации якобы природной человеческой склонности к торгу и обмену, а в создании нового полезного продукта с применением трудовых и интеллектуальных навыков, с использованием социального капитала.

Государство же наше, напротив, всегда имело слабость к торговле, что в древние века, совмещая ее с разбоем, что в наши дни, регулируя и ограничивая торговую деятельность во всех ее проявлениях. Привычка государства совмещать законную коммерцию с незаконными способами ее ведения передалась населению, которое никогда не стеснялось применять аморальные методы в торговле с иностранцами, “не брезгуя” и своими.

Мы редко перенапрягались в работе, даже сибаритствовали иногда, за исключением скоротечных сезонных периодов. В то же время мы начинали больше работать и подрабатывать по мере прибавления едоков в наших семьях, тогда как европейцы, включая прилежных протестантов, в подобных случаях снижали потребление.

Нам всегда была важна материальная компенсация за наш труд, но мерилом ценности выступало не только богатство или возможность удовлетворить базовые потребности семьи в пропитании и крыше над головой. Не менее актуальным для нас было и остается нематериальное поощрение, уважение близких, общественное признание.

К нашему рублю мы с давних времен относимся и горделиво, и в то же самое время брезгливо. Многочисленные металлические монетные аферы, а также минимум шесть необеспеченных бумажных денежных эмиссий, от Екатерины II до Бориса Ельцина, приучили нас сбергать во всем, в чем только можно, только не в национальной валюте.

Мы всегда были одержимы нашей национальной идеей – справедливостью, и даже малейший полунамек на ее скорое воцарение раскрывал нам крылья. Но крылья эти трагически стогали в последующих рутине, войнах и национальных катастрофах.

Жажда справедливости как эстафетная палочка передается среди нас из поколения в поколение. Вместе с противоречиями, наследниками которых мы являемся.

Никита Кричевский

* * *

¹ См.: The Problem with Formalism: An Interview with Mark Blaug // Challenge. – 1998. – May/June.

² Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. – Челябинск, 2011. – С. 71.

³ См.: Myrdal G. Objectivity in Social Research. – London: Gerald Duckworth & Company Ltd. Partington, 1970. – P. 55–56.

Глава 1. Великое расхождение

“Великое расхождение”² в развитии Востока и Запада многие годы занимает умы политиков, экономистов, социологов, философов. Однако мало кто, особенно в среде российских интеллектуалов, рассматривает не менее интересную тему расхождения не Востока и Запада, а России и Запада. Попробуем исправить упущение с экономической точки зрения – в этой главе будут представлены три причины “великого расхождения” нашей страны и Европы: различия в этосе русского и западного обществ, “ресурсное проклятие” и роль православной церкви. Америка, ввиду преимущественно европейских истоков ее формирования, в предлагаемое обсуждение не вошла.

Когда-то нобелевский лауреат Дуглас Норт сформулировал идею этой книги так: “Главная загадка человеческой истории – как объяснить широкую дивергенцию (расхождение) траекторий исторических изменений. Как случилось, что общества стали развиваться по расходящимся историческим траекториям? Почему общества так отличаются друг от друга? Ведь все мы, в конце концов, произошли от первобытных сообществ охотников и собирателей”¹. Почему русский социум, оказавшись на развилке между общинностью, коллективизмом, с одной стороны, и индивидуализмом – с другой, пошел по первому пути, чреватому подавлением (подчинением) личности, противостоянием общества с формальными (государство) и относительно неформальными (церковь) институтами, всеохватной зависимостью от действий власти? Ответ на этот вопрос не может быть односложным.

² Научный мем, означающий причины, по которым социально-экономическое развитие Востока и Запада пошло различными путями (напр., Лал Д. Возвращение “невидимой руки”: актуальность классического либерализма в XXI веке: Пер. с англ. – М., 2009). Термин родился и вырос в США, где многие социально-экономические события привычно именуется “великими” (“Великая депрессия”, “Великая рецессия”, “Великий размен”, “Великое изобилие” и пр.), хотя они, скорее, исторически предопределенные.

Этос

Этос, или стиль жизни общественной группы, нации, народа, его культура, иерархия ценностей, таит в себе ответы на множество вопросов, связанных с выбранной Россией исторической колеей. Об этосе, общественном менталитете (в значении совокупности интеллектуальных, эмоциональных, культурных, нравственных особенностей, как правило, не проявляющихся в повседневной жизни, но зная которые можно с большой долей вероятности предсказать действия как отдельного человека или группы, так и общества в целом) будет много сказано в этой книге. Здесь рассмотрим некоторые экономические различия в русском и западном этосах, прежде всего несоответствия в хозяйственной культуре как наборе кодов, предопределяющих экономическое поведение человека и оказывающих на него имплицитное управленческое воздействие.

Что такое “хозяйственная культура”? По Фрэнсису Фукуяме, такая “культура есть унаследованный этический навык или привычка (*habit*). Этический навык может состоять как в определенной идее или ценности – к примеру, представлениях о том, что у свиньи нечистое мясо или что корова является священным животным, – так и в действующей социальной традиции – к примеру, японском обычае, согласно которому старший сын наследует все отцовское состояние. В этом свете культуру, наверное, было бы легче определить через то, чем она не является. В первую очередь она не является рациональным выбором – тем, что лежит в основании экономической концепции человека как рационального существа, максимизирующего полезность (способность удовлетворить человеческие потребности. – *Н.К.*). Надо уточнить, что, говоря о “рациональном выборе”, я имею в виду не столько рациональные цели, сколько рациональные средства – то есть учет альтернативных путей достижения конкретной цели и выбор оптимального пути в зависимости от имеющейся информации. Решения, продиктованные культурой, суть решения, продиктованные привычкой”². Таким образом, хозяйственная культура далеко не всегда в качестве решения той или иной хозяйственной проблемы подразумевает оптимальные пути, основанные на рациональном (разумном) выборе из имеющихся альтернатив. Например, одалживая некоторую сумму оказавшемуся в стесненных обстоятельствах знакомому и зная по предшествующему (возможно, чужому) опыту, что будущий должник если и расплатится, то нес скоро, мы тем не менее все равно предоставляем неформальную, то есть без официального оформления, ссуду, пусть в меньших объемах от запрашиваемого. Какой мотив движет нами в этот момент? Сострадание, сопереживание, чувство долга – все, только не разум, подсказывающий, что со своими деньгами мы расстаемся если не навсегда, то надолго. Столь “неразумно” мы ведем себя потому, что так поступали и поступают наши родители, друзья, кумиры, являющиеся для нас нравственными ориентирами. Это не хозяйственное (экономическое), но нравственное здравомыслие, хотя и основанное на эгоистичном стремлении жить в ладу с самим собой (с собственными представлениями о морали).

О том же говорил и Фукуяма: “Как явствует из самого слова “культура”, наиболее сложные этические правила, по которым живет человек, всегда произрастают на почве повторения, традиции и примера. Эти правила могут отражать глубокую “адаптивную” рациональность, они могут служить экономически рациональным целям, наконец, в ограниченном кругу индивидов они могут быть результатом рационально достигнутого соглашения. Однако от поколения к поколению они передаются как нерациональные навыки общественной жизни. Эти навыки, в свою очередь, гарантируют, что поведение людей никогда не будет сводиться к голый максимизации эгоистически понимаемой полезности, о которой твердят экономисты”³. Об этом же, кстати, писал и Норт: “Хотя формальные правила можно

изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям. Эти культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают нам ключ к пониманию пути исторического развития»⁴.

Итак: хозяйственная культура означает подвижный свод повторяющихся, наследуемых, рациональных и этических особенностей экономического поведения, оказывающих определяющее воздействие при выборе индивидуумом способов удовлетворения физиологических, материальных, социальных или духовных потребностей. Через хозяйственную культуру формируется хозяйственный этос, или (в данном случае) экономический характер общественной страты, нации, народа. Что же до рациональных целей и не всегда разумных средств их достижения, то здесь Фукуяма развивает тривиальную по нынешним временам мысль Людвига фон Мизеса, утверждавшего, что «либерализм отличается от социализма, который также провозглашает стремление к благу для всех, не по цели, к которой он стремится, а по средствам, которые он выбирает для достижения этой цели»⁵.

В отношении самой рациональной цели следует заметить, что мыслители часто предпочитали «проходить мимо», памятуя о том, что могут «заковыряться», поскольку цели могут быть как идеальными (недостижимыми, что превращает движение к ним в перманентный процесс), так и реальными, субъективными или объективными. Упрощенное целеполагание приводило к поверхностной (но не всегда неверной) оценке средств достижения, что также нередко характерно для западных экономических исследователей. Кажется, возьми за основу модель homo economicus (человека экономического) как обладающего совершенной информацией мгновенного вычислителя оптимальных путей для удовлетворения потребностей и получения удовольствий, и дальнейшие рассуждения покатятся сами собой. Вот как это, к примеру, происходит у «золотого голоса» западной капиталистической этики Макса Вебера и его заокеанского «пастыря» Бенджамина Франклина в книге Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»: «...честность *полезна*³, ибо она приносит кредит, так же обстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью – все эти качества именно *поэтому* и являются добродетелями... Приобретение денег – при условии, что оно достигается законным путем, – является при современном хозяйственном строе результатом и выражением деловитости человека, следующего своему призванию, а эта деловитость, как легко заметить, составляет альфу и омегу морали Франклина»⁶. И никого не волнует, что, по Хайеку, «многие общественные институты, представляющие собой необходимое условие успешного достижения сознательных целей, по сути дела, являются результатом обычаев, привычек или установившихся практик, которые не были изобретены и соблюдаются без преследования какой-либо цели»⁷. Например, та же до сих пор ментально существующая русская община возникла для каких угодно целей, но только не как предприятие, алчущее прибыли.

Деньги – вот, по мысли Вебера и Франклина, главный показатель деловитости, умеренности и прочих добродетелей, а цель жизнедеятельности – их «приобретение». После прочтения труда Вебера значительная часть западного общества наверняка спешила воплощать теоретические установки в практику, повторяя: «приобретение денег (относительно) законным путем и есть искомая мораль». Попутно западный обыватель вспоминал теорию эволюции Чарльза Дарвина, из которой вытекает, что Бога нет, а также воззрения Фридриха Ницше («Бог задохнулся в богословии, нравственность – в морали»), и вот уже перед нами

³ Здесь и далее в цитатах выделения сделаны самими авторами, если не указано другое.

утилитарный, живущий для себя и по собственным моральным убеждениям человек, ключевым нравственным стремлением которого является “приобретение денег”.

Пестование, выпячивание ложных начал, характерный образец которого мы наблюдаем у Вебера, а также у многих, очень многих прочих исследователей, и формирует то самое отличное от русского мировоззрение западного общества. “Просвещенным” европейцам всегда казалось, что мы “идем не туда”, что мы “дикари” и “варвары”, что мы добровольно отказываемся от единственно верных, по мнению западников, добродетелей. А все потому, что мы никогда в массе своей не были озабочены “приобретением денег”. Из веберовского понимания западного экономического менталитета следует теоретическое обобщение на уровне хозяйственного строя, правда, при этом тот самый homo economicus по дороге куда-то теряется: “Стремление к предпринимательству”, “стремление к наживе”, к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде *само по себе* ничего общего не имеет с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокотов, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих – можно с полным правом сказать, что оно свойственно *all sorts and conditions of men*⁴ всех эпох и стран мира, повсюду, где для этого существовала или существует какая-либо объективная возможность... Капитализм безусловно тождественен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно *возрождающейся* прибыли, к “*рентабельности*”. И таким он должен быть. Ибо в рамках капиталистической системы хозяйства предприятие, не ориентированное на рентабельность, неминуемо осуждено на гибель”⁸. Вебер отождествлял хозяйственную деятельность ради потребления с экономическими действиями, направленными в первую очередь на получение прибыли. Стремление к предпринимательству, наживе, денежной выгоде, наблюдающееся у представителей многих профессий и социальных групп, есть склонность к обеспечению потребления, как собственного, так и членов их семей (кланов, родов), но не к прибыли. Еще Аристотель, предвосхищая эту распространенную ныне методологическую ошибку, подчеркивал, что “сущностью домашнего хозяйства в собственном смысле слова является производство ради потребления – в отличие от производства ради прибыли, – однако, продолжает он, дополнительное производство для рынка отнюдь не должно разрушать самодостаточность хозяйства, пока *урожай в нем выращивается* для пропитания семьи, *как скот или зерно*; продажа излишков не должна разрушить основу домашнего хозяйства”⁹. В противовес Западу стремление к автаркии, самодостаточности домашнего хозяйства, нацеленное на наиболее полное удовлетворение потребностей индивидуума, семьи, рода (да что там – страны, о чем мы регулярно слышим в русских публичных прениях) за счет собственных ресурсов, но никак не прибыль, всегда были на переднем плане у русского человека.

Если излишек продавался, то не ради получения прибыли, а ради того, что конкретно на этот излишек можно было купить. Деньги на Руси всегда были в основном не средством обмена, а средством платежа, обозначавшим материальный уровень притязания на ту или иную вещь, недостающую не столько в хозяйстве, сколько в потреблении. (Призывать на помощь Дж. М. Кейнса с его хрестоматийным высказыванием: “Давно известно, что потребление представляет собой единственную цель всякой экономической деятельности”¹⁰ – полагаю излишним.) Что, безусловно, не исключает выполнения деньгами функции средства накопления (обеспечения будущего потребления), как и практической реализации некоторыми индивидуумами пресловутой “склонности торговаться и барышничать”¹¹

⁴ Людям всех типов и сословий (*лат.*).

(этот фразеологический оборот Карла Поланьи стал своеобразной интерпретацией Смитовой “склонности к торгу и обмену”¹²).

Именно намерением обеспечить будущее потребление на прежнем или хотя бы сопоставимом с достигнутом ранее уровне при реализации того или иного негативного риска объясняется страсть русского человека к формированию невидимых для фискалов заначек “на черный день” (на случай голода, лишений, болезней, войны, несправедливости со стороны государства), а если говорить об общине – общаков. Кстати говоря, заначки и общаки были в почете и у “склонных к торговле и барышам” купцов, промышленников, ремесленников, хотя им впору было бы усвоить посыл, сформулированный Вебером: “Время – деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен – если он расходует на себя всего только шесть пенсов – учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов”¹³. Причем стремление к сохранению либо, при благоприятном стечении обстоятельств, повышению уровня потребления отнюдь не исключает капиталистические начала в экономике (ориентацию на рентабельность), которые ошибочно ставил во главу угла общественной жизни Вебер. Если по нынешним временам мы ушли от автаркии в личных (семейных) хозяйствах (урожаи с садовых участков не в счет), это не значит, что мы изменили прежней склонности к обеспечению потребления любыми доступными нам способами, включая “резервирование” свободного времени (о чем будет идти разговор в следующем разделе).

Вебер, а также Франклин стали своеобразными кормчими западных теоретизирующих и практикующих экономистов. Вот что, к примеру, говорил бывший председатель ФРС США Алан Гринспен в своем выступлении 10 июня 1997 г. на торжественном ужине в честь награждения ученых в Центре имени Вудро Вильсона: “Та капиталистическая культура и инфраструктура, которая поддерживает рыночную экономику в капиталистических странах, создавалась на протяжении многих поколений: законы, традиции, нормы поведения, а также разнообразные предпринимательские профессии и методы работы, которые в экономике централизованного планирования не играют заметной роли”¹⁴.

Мысль Гринспена “крутится” вокруг, по Веберу, основанного на “ожидании прибыли посредством использования *обмена*, то есть *мирного* (формально) приобретательства” капиталистического способа ведения хозяйства или просто капитализма¹⁵. Прибыль, деньги, не играли “заметной роли” не только в экономике централизованного планирования, но и в досоветской рыночной экономике. “Приобретение денег”, стяжательство практически всегда в русской жизни уступало “уравняющему” общинному менталитету наших предков, не зря же в русском социуме до сих пор в ходу завистливая поговорка “выбиться в люди”, то есть выйти из прежнего социального круга.

В этой связи движение к долговременным и эффективным институтам, таким как права собственности или соблюдение контрактов, нельзя признать исчерпывающим в деле постепенной трансформации русского экономического характера (об одномоментном сломе ментальной конструкции после неудачного “эксперимента начала 1990-х речь, надеюсь, не идет). Подтверждение чему – фактологическое несоответствие, подмеченное Дейдрой Макклоски: Китай, например, имел гарантированные права собственности на землю и коммерческие товары на протяжении тысячелетия. При династиях Мин и Цин (1368–1911) право собственности и контрактов соблюдалось и для верхов, и для низов, как это было на протяжении большей части китайской истории. То есть права собственности были, а промышленной революции так и не случилось, хотя Китай и Европа в экономическом развитии в Средневековье шли, как известно, “ноздря в ноздю” (впрочем, Макклоски, как и автор, не ставит под сомнение безальтернативность наличия эффективного института прав собствен-

ности, необходимого для успешного функционирования экономики)¹⁶. Скорее, нужно говорить не об изменениях, а о продуктивном использовании различных черт русского характера в достижении устойчивого экономического роста.

В русском этосе представления о добродетели отличны от западных. Хорошо это или плохо – отдельный разговор с неопределенным итогом (а скорее всего, без такового). Ясно, однако, что свойственные русским неприхотливость и небрежность в быту, стойкость и выносливость в лихие времена, изобретательность и иррациональность в хозяйственных делах, подвижничество и взаимовыручка в социальных вопросах и многие другие черты русского этоса появились не из космоса, а стали мировоззренческими характеристиками нации в ходе подвижнического перемещения по имперским российским просторам, героического противостояния в многочисленных кровопролитных войнах, разрешения внутренних социальных противоречий, хозяйственного и личного взаимодействия с другими народами, конвергенции религиозно-утопических представлений о справедливости и обескураживающей реальности.

Ресурсное проклятие⁵

В современном обществе при упоминании “ресурсного проклятия” чаще всего вспоминаются углеводороды, что, конечно же, неверно. “Ресурсное проклятие” на Руси начиналось с земли. В отличие от Запада, земля как ресурс в начале и середине прошлого тысячелетия, особенно с началом освоения русского Севера и Сибири, по причине ее обилия не представляла для русских сколь-нибудь существенную ценность. Более или менее значимую роль при оценке ценности земли играли не столько плодородие или расположение, сколько затраченный на ее освоение труд, природно-климатические условия, а также, в случае если земля была расположена на приграничных территориях, отвлечение сил и средств на оборону и безопасность. Впрочем, со временем последний аспект, в силу интуитивно нащупанной властью тактики наделения окраинной землей ратных людей, переформатировался из обременения в преимущество: земельный надел на границе доставался собственнику даром, а платой за государеву “щедрость” становилась охрана рубежей государства. Причем через непродолжительный промежуток времени еще вчера приграничный надел, как правило, оказывался в глубине российской территории.

Неудивительно, что развитие натурального хозяйства в России в ранний период и Средние века основывалось на казавшемся тогда неисчерпаемом главном ресурсе натурального хозяйства – земле, чего на Западе с ее незначительной территорией не было и в помине. Как писал русский экономист XIX в. Александр Кауфман, “пока земельный простор во много раз превышал трудовую способность населения, последнее не ощущало надобности в регулировании ни землевладения, ни землепользования”¹⁷. Новые земли осваивались, колонизировались путем, в основном, ненасильственного захвата, на них возникали сначала починки (починок – вновь возникшее сельское поселение из одного двора; когда рядом возникали один или два других двора, починок становился деревней. – *Н.К.*), а потом и многодворные населенные пункты. Если бы освоение территорий не было сопряжено со значительными трудностями, требующими приложения существенных физических усилий, как правило, неподвластных одной, пусть даже крупной, семье, в дальнейшем мы, возможно, увидели бы становление индивидуальной, а потом и частной собственности на землю. Еще один элемент, упоминавшийся при выявлении ценности земельного надела – тягло (тягло – совокупность податей, уплачиваемых индивидуально или общиной по общей раскладке. – *Н.К.*). Тягло часто перевешивало вложенные в освоение земельных участков ресурсы и становилось базовой причиной бегства крестьян с обработанных земельных участков. Сибирь и Север европейской части России еще долго осваивались преимущественно самозахватом, при этом наместники удельных князей и государевы люди были заинтересованы, в первую очередь, не в наделении крестьян землей (этой проблемы не существовало), а в том, чтобы никто не ушел от тяглового запяжки.

Совместный характер освоения и обработки земель привел к формированию социально-правового подхода к земельной собственности как общинной ценности, потребовавшей должного оформления и регулирования лишь когда на фоне наметившегося недостатка свободных земель в европейской части России и значительного объема вложенного поколе-

⁵ Термин “сырьевое проклятие”, отражающий ситуацию, когда значительные природные ресурсы препятствуют экономическому развитию, стал общеупотребительным после публикации Джеффри Сакса и Эндрю Уорнера “Природные богатства и экономический рост”, где указывалось, что в 1970–1989 гг. страны, экспорт природных ресурсов из которых был существенным, как правило, отставали в экономическом росте от стран, где природных ресурсов в структуре экспорта было немного. Из 23 развивающихся стран лишь в Маврикии и Малайзии темпы роста были сопоставимыми с темпами “несырьевых” государств (*Sachs J., Warner A. Natural Resource Abundance and Economic Growth. – Cambridge: NBER Working Paper 5398, Dec. 1995*).

ниями труда было введено подушное обложение, которое, в свою очередь, сопровождалось переделом земельных участков пропорционально платежам. Тем не менее общинный взгляд на землевладение не претерпел сколь-нибудь существенных изменений, закристаллизовавшись в менталитете русских в виде отношения не только к земельным ресурсам, но также к флоре и фауне, а в дальнейшем и к полезным ископаемым как принадлежащим, по мнению русских, всем членам большой общины под названием “Россия”.

Проецируя представленный выше тезис Кауфмана на все российское население, при том что “община, освоив известную территорию, резервирует, так сказать, пользование этой территорией исключительно своим членам: она их допускает, посторонних же она не допускает до “занятия” земли в черте освоенной ею территории”¹⁸, мы приходим к следующему заключению. Сосредоточение “активов” (земельных участков, лесных угодий, прибрежных территорий, полезных ископаемых) в частных руках идет вразрез с укоренившимися представлениями русского человека о факторах производства как об общественной (коллективной) собственности, издревле дававшей хлеб, соль, меха, рыбу, воск, а затем еще и деньги, причем немалые. В свою очередь, общественные блага в пределах нашего социального воззрения стремятся к неисключаемости в потреблении и несоперничеству в доступе, проще говоря, земля, полезные ископаемые, инфраструктура в русском понимании должны использоваться на благо всего общества, а не с целью обогащения отдельных лиц, тем паче с нарушениями закона.

Не означает ли вышесказанное, что русский народ пока, что называется, не созрел до полноценной институционально закрепленной частной собственности на активы? Возможно, хотя русские историки предпочитали в открытую об этом не говорить. Посмотрите, как о русском раннем детстве отзывался историк Борис Чичерин: “Личность человеческая отнюдь не вдруг выступает на историческое поприще. Пока народ находится в состоянии еще младенческом (в древности. – *Н.К.*), в нем преобладает чувство общности; все сливается в безразличную массу, поглощающую в себе неделимые существа. Только мало-помалу, при внутреннем развитии общественного быта и в особенности при столкновении народа с другими племенами, из этой массы выделяются личности, которые, приходя к сознанию своей особенности и своих частных интересов, начинают предъявлять свои отдельные требования и права. Тогда образуется и частная собственность, которая прежде поглощалась совокупным владением общины... Полное освобождение частной собственности из единства родового владения является уже плодом долгого и медленного исторического процесса”¹⁹.

А что же Запад, каков его взгляд на российский менталитет? Западные ученые приходили к схожим выводам как на предмет происхождения института общинности, так и по поводу наличия прочих институтов. Известный шведский экономист и политолог Стефан Хедлунд подчеркивал, что “крепкие нормы коллективизма, которыми была пронизана советская эра (та самая экономика централизованного планирования, о которой говорил Гринспен. – *Н.К.*), в целом уходят корнями в глубокое прошлое и существовали задолго до большевиков... В то время как функциональное происхождение этих норм вызывает громкие споры, нетрудно документально подтвердить, что коммунальные сельские институты, такие как мир и община (здесь швед Хедлунд, очевидно, по незнанию употребляет синонимы. – *Н.К.*), романтизировались и считались некоей сущностью всего русского. Немало говорит об этом наследии то, что после прихода к власти большевиков бедные крестьяне взяли дело в свои руки и насильно положили конец начатым при премьер-министре Столыпине в 1906 г. попыткам позволить всем желающим сделаться частными фермерами, владеющими законными правами на свою долю общинной собственности”²⁰.

Японский исследователь Кандзи Хайтани полагает, что “индоктринация (навязывание массовому сознанию системы убеждений, установок, стереотипов. – *Н.К.*), проведенная

советским правительством, не создала коллективистскую ориентацию русского народа; скорее, она помогла сохранить, взлелеять и расширить традиционный коллективизм, развившийся в стране за века жизни при диктаторском режиме”²¹. (Здесь мы не станем уходить в неявно навязываемую политологическую дискуссию об отличиях монархии, авторитаризма и диктатуры, а также об эффективности монархического или авторитарного правления, к тому же теоретические изыскания и результаты развития многих развивающихся стран-лидеров говорят нам о том, что отчетливой взаимосвязи между политическими институтами и экономическим ростом не существует.)

В середине 1980-х гг., практически в одно время с Хедлундом и Хайтани, американский историк-славист Эдвард Кинан представил свое видение возникновения институциональной основы в политике: “Гипотеза о депривации очень слабо объясняет ту политическую культуру, которая развилась в Московии, а также не отвечает на вопрос, почему эта культура была – несмотря на черты, которые западным людям могут показаться непривлекательными или “несовершенными”, – такой эффективной и так прекрасно подходила для удовлетворения нужд Московии... Создание специфической и удивительно эффективной политической культуры во враждебной и угрожающей среде, бывшей колыбелью политической культуры России, было самым выдающимся достижением этого народа”²².

Термин “ресурсное проклятие” стал общеупотребительным в отношении России лишь во второй половине XX – начале XXI в. и совпал с периодами спекулятивного роста цен на углеводороды. В этой связи непонятно, почему Россия в недавнем “нефтегазовом” прошлом, да еще с исконными общинными представлениями о коллективных правах собственности на упомянутые факторы производства, должна была добровольно отказаться от материальных результатов сваливавшихся на нее естественных преимуществ и, отказывая себе в росте общественного потребления, идти в неизвестном направлении с неопределенным исходом, к примеру по пути той же туманной модернизации, без неотложных на то причин. Исконная русская бедность, ставшая такой же неотъемлемой чертой национального существования, как пресловутые бескрайние просторы, а также потери и лишения, с которыми столкнулись люди в период проведения так называемых либеральных реформ 1990-х, просто не оставляли властям предрешающим начала XXI в. иного выхода, кроме перенаправления значительной части сырьевых сверхдоходов на повышение уровня жизни людей. Не учли лишь одного – “деревья не могут расти бесконечно”. Перманентные поиски нового выгодного “ресурса” также всегда сопровождают нашу экономическую историю. Эта ментальная черта въелась в умы даже тех современных российских экономистов, кто мнит себя “либералами”. Дошло до того, что предлагается экспортировать человеческий капитал, подразумевая под ним интеллектуальные способности молодого поколения: “Если мы в состоянии много лет производить качественный человеческий капитал, это должно стать нашей мировой специализацией. Нужно на наши университеты замкнуть мировые студенческие потоки и сделать это предметом экспорта”²³. Логично спросить, есть ли у инициаторов подобного полурабского экспорта права собственности на интеллект других индивидуумов, но в данном случае важен не ответ на этот вопрос, а само направление поиска, сочетающее в себе ментальные отголоски рабства и “природно-сырьевого” проклятия. Еще один момент – *ex ante* отказ без

малого 150 миллионам российских граждан в способности к эффективному квалифицированному труду – оставим на совести “эксперта”.

На примере России мы имеем дело с экономической моделью, позволяющей вот уже больше тысячи лет существовать и развиваться, не прикладывая к этому сколь-нибудь существенных и, что важно, регулярных усилий, исповедуя отличные от остального мира ментальные ценности. Лишь в отдельные короткие периоды истории неспешное течение российской экономической реки прерывалось мощными модернизационными порогами, причем, как правило, модернизационная политика навязывалась сверху, по вертикали. Но и в немногих локальных случаях модернизации по горизонтали главным фактором успеха было обилие все тех же “проклятых” ресурсов.

России, безусловно, не нужно было “напрягаться”, как это происходило при Петре I или Иосифе Сталине. Страна могла бы развиваться семимильными шагами при социально-экономических нововведениях, способствующих раскрытию ментальных черт русского характера, чему есть многочисленные исторические примеры и подтверждения из предшествующего развития.

Церковь

В “великом расхождении” свою роль сыграла своекорыстная линия поведения представителей Русской православной церкви (РПЦ). На протяжении веков церковь как в России, так и в Европе была увлечена преумножением своих богатств, однако, в отличие от католической, а затем и протестантской, РПЦ пошла по пути соглашательства с практически любыми действиями властей, даже не пытаясь заявиться на общественной арене в качестве независимого, автономного, внегосударственного (или надгосударственного) института.

Русские историки скрупулезно описывали предпринимательские выгоды церковного бытия самых разных эпох, приведем лишь малую часть из зафиксированного. Например, Кирилло-Белозерский монастырь владел «обширными вотчинами на протяжении от Белого моря вплоть до Москвы, имел большое количество пахотных земель, но обрабатываемые за счет монастыря земли не отличались большой доходностью, сравнительно невелик был и оброк с крестьянских земель, он составил в 1601 г. 300 руб. кроме продуктов. Напротив, в том же году улов рыбы в количестве 16 тыс. шт. дал 553 руб., а от сбыта соли получилось 4445 руб. Рыбные и, в особенности, соляные промыслы составляли, следовательно, несравненно более важный источник дохода монастыря, чем сельское хозяйство. Монастырю удалось приобрести значительное количество рыбных езов (ез – частокол или плетень поперек реки, чтобы не дать рыбе хода и выловить всю на месте. – *Н.К.*), частью путем купли, частью же и главным образом в качестве пожалований... Еще большее значение имело добывание соли. Стягивая в свои руки солеварение в нескольких местностях северного края, монастырю в небольшой сравнительно промежуток времени удалось довести свой соляной промысел до степени весьма крупной и доходной статьи, несмотря на то, что для этого ему необходимо было собрать целый ряд незначительных долевых участков в варницах. Он старался монополизировать солеварение, вытесняя мелких промышленников. Это значительно облегчалось тем, что кирилловская братия, участвуя в сябренных товариществах (сябры, или шабры, – прообраз современных акционеров: владельцы общего капитала, имевшие возможность продать или заложить свою долю. – *Н.К.*), которым принадлежали варницы, не платила податей и за них вынуждены были делать взносы “тяглые отсталые людишка”, которые вследствие этого, “в земских разметех в конец загибли, платячи за тех сильных людей”, “охудали” и частью “разбежались от тех их нужни и от голода”. Солеварение было выгодно для монастыря и по той причине, что ему предоставлялось право беспошлинной продажи до 40 тыс. пудов соли»²⁴.

А вот одна из коммерческих вех существования Соловецкого монастыря периода русского Средневековья: царской грамотой 1592 г. монастырь освобождался на пять лет от оброков и дани с рыбных ловель и за десятую рыбу в волости Варвуге, за десятую рыбу в Кеми, с рыбных ловель в Сумской волостке, на р. Выге, в Двинском уезде с двух пренов для солеварения и с варницы в Неноксе. Монастырь был также освобожден в Вологде от пошлин с привозимой им с Холмогор соли²⁵.

Следующий пример. «Жалованная грамота Николаевскому Корельскому монастырю 1578 г. упоминает о том, что имеется: “Монастырский промысл в Уне и в Неноксе, розсоленные вытки (доли. – *Н.К.*) в варницах и дворы и те деи они промыслом секут дрова монастырскими людьми и наймиты и водят деи к тому промыслу на монастырских лошадях дрова и варят соль и ти соль променивают на хлеб... да у них же на Двине на Малокурье Кол тоня (место на реке или водоеме, где производится лов рыбы неводом. – *Н.К.*), да за монастырем Кудмо озеро да Солза речка, рыбные ловли; да у них же деи промысл за морем за Терской стороне, в Варвуге реке луки, рыбные ловли”»²⁶.

Наконец, Троицко-Сергиев монастырь, расположенный в центральной части России, имел на Севере свои соляные варницы и рыбные промыслы. “В 1641 г., в момент описи монастыря царской комиссией, он владел варницами Солигаличскими, Балахонскими и на реке Луде, рыбные ловли производились на реке Стерже, в Останкинском уезде, на Волге близ Терюги и на севере в Варзуге”²⁷. Помимо бесчисленных оброков и коммерческих доходов церковь получала доходы, вступая в права наследства. Из трудов профессора Казанской духовной академии Ивана Покровского мы узнаем, что «в древней Руси на всех наследниках лежала строгая и неперемнная обязанность устраивать поминовение по душе покойника. Сама казна, получая выморочное наследство, не освобождалась от этой обязанности (наследство считается выморочным, когда наследники либо отсутствуют, либо не приняли наследство, либо утратили на него право; такое имущество отходило казне. – *Н.К.*). Законы царя Ивана Васильевича, грамоты царя Михаила Федоровича обязывали наследников “устраивать душу умершего”, т. е. делать вклады из наследства на помин души покойника... Казанский архиерейский дом до самого конца XVII в. пользовался правом наследства “на помин души”»²⁸.

Известные западные экономисты, социологи и философы Дипак Лал, Гарольд Берман, Джек Гуди, Жан Делюмо и другие неоднократно отмечали, что “великое расхождение” между западноевропейской и другими цивилизациями, в том числе русской, произошло из-за изменения космологических и материальных представлений в VI–XI вв., связанных главным образом именно с шагами церкви, сначала в семейных, а затем и в материальных отношениях. Первым этапом стали буллы VI в. (булла – основной средневековый папский документ со свинцовой, реже – золотой печатью. – *Н.К.*) Папы Григория I по семейным вопросам, вторым – буллы XI в. Папы Григория VII по вопросам собственности. РПЦ, повторюсь, во все времена была занята беспечным преумножением своих богатств, уверовав в то, что ее статус одной из двух опор общества (другая – государство) непоколебим.

Вот что пишет Лал о первой церковной революции Папы Григория I: “В рамках традиционной системы акцент делался на обеспечение перехода имущества семьи по наследству, поэтому разрешались браки между близкими родственниками, женитьба на вдовах близких родственников, усыновление их детей и сожительство вне брака, которое рассматривалось как одна из форм семейного союза. Григорий все это запретил. К примеру, в Англии усыновление детей вновь было разрешено лишь в XIX веке. Имущество, которое нельзя было передать по наследству в рамках самой семьи, завещалось главным образом церкви. В результате ее собственность росла феноменальным образом. Во Франции, например, до трети сельскохозяйственных земель к концу VII века оказалось во владении церкви”²⁹.

Стремительное обогащение церкви привлекало многочисленных “хищников”, причем как в самой церкви, так и за ее пределами. Для того, чтобы обезопасить себя и не допустить антицерковной “экспроприации”, случившейся позднее в России, «Григорий VII в 1075 году осуществил [вторую] папскую революцию, поставив Бога выше кесаря – для этого он использовал такое мощное оружие, как угроза отлучения⁶. Поскольку вследствие этого церковь оказалась напрямую вовлечена в мирские дела, новое “церковное государство” создало все административные и правовые атрибуты, которые сегодня мы ассоциируем с современной экономикой... Таким образом, папская революция Григория VII разорвала пути, сковывавшие базовый “инстинкт торговли”, а со временем изменила и традиционные евразийские материальные ориентиры, основанные на подозрительном отношении к рынку

⁶ В 1075 г. Папа Григорий VII объявил: “Да будет царство земное слугою, или рабом, царства небесного”. Суть была простой: покусившись на владения церкви, вероотступник не только отлучался от церкви, но и обрекал себя на вечные муки после смерти (*Dumont L. Essays on Individualism. – Chicago, 1986. – P. 40. Цит. по: Лал Д. Возвращение “невидимой руки”: актуальность классического либерализма в XXI веке: Пер. с англ. – М., 2009. – С. 24).*

и торговцам»³⁰. Таким образом, Григорий VII провозгласил создание вневременного и экстерриториального церковного государства, ставшего организационным примером независимым европейским городам-государствам, а церковное право стало образцом для городского и коммерческого законодательства.

Безусловно, одной из причин “великого расхождения” послужило то, что католицизм, в отличие от православия, в начале второго тысячелетия новой эры распространился на множество европейских государств, но более очевидной представляется следующая предпосылка. На Руси церковные иерархи того периода выбрали для себя и подчиненного духовенства более удобный утилитаристский путь всестороннего взаимодействия со светской властью, по сути, предпочли торговлю вере.

К чему привело такое заигрывание, известно: в 1700 г. произошла фактическая “национализация” церкви, когда после смерти Патриарха Адриана Петр I высочайше запретил избрание нового Владыки, а через 20 лет учредил Духовную Коллегию (петровское реформирование государственного аппарата копировало шведскую систему коллегий), вскоре переименованную в Святейший Правительствующий Синод. Синод во главе с Императором в качестве “крайнего Судии сей Коллегии” стал государственным органом, выполняя функции общецерковного управления почти два века, с 1721 по 1918 г.³¹

Ко времени “национализации” РПЦ была настолько ослаблена внутренними противоречиями, конфликтами и распрями, что не могла сопротивляться. Как пишет Ричард Пайпс: “*Coup de grace* (последний, смертельный удар. – *Н.К.*) был нанесен жертве, которая и так дышала на ладан и поэтому почти не дернулась: протестов не было – было одно лишь безмолвное повиновение. Ни одна церковь христианского мира не дала себя секуляризировать с таким равнодушием, с каким это сделала церковь русская”³².

И пусть некоторые историки утверждают, что предпринятая Петром I трансформация духовного в гражданское стала конкретным проявлением стремления Императора порвать с византийским прошлым, с экономической точки зрения верной представляется иная версия, объясняющая столь коварные действия самодержца. В Средние века в России было два крупнейших купца, землевладельца и мануфактурщика – государство и церковь, в отношениях которых постоянно наличествовал конфликт, закончившийся вероломной победой земного над небесным.

После Октябрьской революции 1917 г. церковь в России была отделена от государства, а с 1918 г. власть большевиков и вовсе перекрыла финансирование церкви из бюджета. Начались гонения и репрессии: по разным оценкам, только в 1917–1922 гг. было казнено 28 епископов и до 1200 священников³³. На протяжении практически всех лет правления Советской власти церковь находилась под неусыпным контролем партийных органов и спецслужб: после развала СССР многие церковные иерархи позднесоветской поры признавались в тайном сотрудничестве с правоохранительными органами, а оперативные псевдонимы некоторых на волне гласности тех лет стали достоянием общественности.

Впрочем, объяснять крах “независимости” РПЦ одними лишь пересекающимися с государством бизнес-интересами было бы поверхностно. Во все времена и в России, и на Западе церковь претендовала на роль совокупного “пастыря”, разрабатывающего и внедряющего в общество философские, мировоззренческие и нравственные ориентиры. Католическая церковь лицемерно смогла внушить людям, что любое посягательство на чужое, в первую очередь церковное, благосостояние безнравственно, аморально и подлежит немедленному вечному наказанию. Но в то же время католичество так и не смогло предложить людям адекватную идеологическую повестку (как принятую обществом систему взглядов и

идей). На Западе за церковь это сделало гражданское общество, а также государство посредством интеллекта антропологов, экономистов, социологов, философов. Впрочем, насколько у них получилось, точнее, не получилось, можно судить по многочисленным современным западным фиаско.

В России не случилось ни первого, ни второго, больше того, религия, по мере развития экономики и общества, и не могла дать ответы на многие мировоззренческие нравственные вопросы. В этой связи уместно привести созвучную цитату из Фридриха Хайека: “Усилия, предпринимаемые церковью для выработки законченной общественной философии, и те абсолютно противоположные результаты, к которым приходят многие начинающие с одних и тех же христианских оснований, показывают, что религия сама по себе не дает нам ясного руководства в этих вопросах. Несмотря на то, что упадок ее влияния, несомненно, является одной из главных причин нынешнего отсутствия у нас ясных интеллектуальных и нравственных ориентиров, возрождение религии не намного уменьшило бы потребность в пользующемся всеобщим признанием принципе общественного порядка. Мы все равно нуждались бы в политической философии, которая шла бы дальше фундаментальных, но общих предписаний, предоставляемых религией и нравственностью”³⁴.

Названные причины “великого расхождения” – различия в этосе, наличие ресурсов и неблагоприятная роль церкви, – безусловно, не исчерпывают перечень оснований. Оставим другим исследователям изучать оные и перейдем к рассмотрению еще одной, возможно ключевой для решения проблемы устойчивого экономического роста, черте русского национального характера, проистекающей из “моральной экономики” Александра Чаянова.

* * *

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997. – С. 21–22.

² Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. – М., 2004. – С. 66–67.

³ Там же. – С. 78.

⁴ Норт Д. Указ. соч. – С. 21.

⁵ Мизес Л. Либерализм. – М., 2011. – С. 23.

⁶ Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – 3-е изд., доп. и испр. – М.; СПб., 2013. – С. 7, 9–10.

⁷ Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; Под ред. А. Куряева. – М., 2006. – С. 22.

⁸ Вебер М. Указ. соч. – С. 28–29.

⁹ Цит. по: Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. сангл. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева; Под общ. ред. С.Е. Федорова. – СПб., 2014. – С. 66.

¹⁰ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 2012. – С. 106.

¹¹ Поланьи К. Указ. соч. – С. 71.

¹² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1962. – С. 29.

¹³ Вебер М. Указ. соч. – С. 26.

¹⁴ См.: Remarks by Chairman Alan Greenspan [Электрон. ресурс]: At the Woodrow Wilson Award Dinner of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, New York, June 10, 1997 // The Federal Reserve Board: Speeches. – URL: <http://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/1997/19970610.htm> (дата обращения: 13.12.2015).

¹⁵ См.: Вебер М. Указ. соч. – С. 10.

¹⁶ См.: Заостровцев А.П. О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю? – СПб., 2014. – С. 210–211.

¹⁷ Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. – М., 2011. – С. 244.

¹⁸ Там же. – С. 263.

¹⁹ Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. – М., 2014. – С. 4–5.

²⁰ См.: Hedlund S. Crisis in Soviet Agriculture. – London: Croom Helm, 1984; Hedlund S. Private Agriculture in the Soviet Union. – London: Routledge, 1989.

²¹ См.: Haitani K. Comparative Economic Systems: Organizational and Managerial Perspectives. – N.J., 1986. – P. 40.

²² См.: Keenan E. Muscovite Political Folkways // Russian Review. – 1986. – Vol. 45. – No. 2. – P. 119, 122.

²³ Натитник А. Александр Аузан [Электрон. ресурс]: Как вывести экономику из комы // Harvard Business Review – Россия. – 2015. Июнь-июль. – URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a15967/#ixzz3juq3fkYi> (дата обращения: 13.12.2015).

²⁴ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. – 3-е изд. – Челябинск, 2012. – С. 385.

²⁵ См.: Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. – М., 2012. – С. 18, 25, 29.

²⁶ Кулишер И.М. Указ. соч. – С. 383.

²⁷ Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкого Сергиевы Лавры. – Ч. I. – М., 1890. – С. 198.

²⁸ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. – Казань, 1906. – С. 205–206.

²⁹ Лал Д. Возвращение “невидимой руки”: актуальность классического либерализма в XXI веке: Пер. с англ. – М., 2009. – С. 229–230.

³⁰ Там же. – С. 230.

³¹ См.: Цыпин В.А. Ведомство православного исповедания // Православная энциклопедия. Том VII. – М., 2004. – С. 369.

³² Пайнс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. – М., 1993. – С. 315.

³³ См.: Остлинг Р. Крест встречается с Кремлем // Тайм. – 2001. – 24 июня.

³⁴ Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / Пер. с англ. О.А. Дмитриевой; Под ред. Р.И. Капелюшников. – Челябинск, 2011. – С. 2–3.

Глава 2. Моральная экономика

Эта глава о том, как, быстро обретая, мы теряем снова. В советский перестроечный период страна узнала об изысканиях выдающегося русского экономиста Александра Чаянова, о его семейно-трудовой теории, получившей название “моральная экономика”. И что? Стали выводы Чаянова подспорьем? Нет. Да что там, уже через несколько лет Чаянова забыли, хотя он нашел один из ключиков к экономическому развитию России. В этом разделе – о теории Чаянова, о “спящей” социально-экономической базе хозяйственного роста, о стимулировании рождаемости и мерах по поддержке обеспечения семей крышей над головой, о потребностях и консюмеризме.

По мнению Вадима Кожина, Россия на стыке XIX–XX вв. по многим экономическим показателям «отставала всего только от трех специфических стран “протестантского капитализма”, где непрерывный промышленный рост являл собой как бы важнейшую добродетель и цель существования, – Великобритании, Германии и США»¹. Констатация, без сомнения, почетная, однако из нее возникает ряд вопросов, один из которых можно сформулировать так: сильно ли перетруждались наши предки, преумножая российскую экономическую мощь? Если и напрягались, то не сильно, подтверждением чему множество объективных и субъективных факторов, от преимущественно подвижнического образа жизни, особенно в ранние века русской истории, до выработанного поколениями навыка неприхотливости и привычки довольствоваться самым необходимым. Дополнительный заработок, превышающий текущие и отчасти будущие краткосрочные потребности семьи, – дело, конечно, хорошее, но стоит ли надрывать жилы ради неочевидного результата? Почему неочевидного? Потому что государственно-политические, социально-экономические, природно-климатические обстоятельства внезапно могли стать негативными.

Без напряжения

Модель экономического поведения, когда семья довольствуется доходом, обеспечивающим удовлетворение лишь базовых потребностей, будучи уверенной в том, что власть, родственники, соседи в случае чего помогут, впервые была сформулирована русским экономистом Александром Чаяновым и получила название “моральная экономика”⁷. Хотя более подходящим был бы термин “функциональная экономика”, или система хозяйствования, зависящая от результатов семейной жизнедеятельности, а не от структуры, строения национальной экономики.

Дефиниция же “моральная экономика”, скорее, перенаправит неискушенного читателя к категориям нравственности, духовности, в крайнем случае к специфическому устареванию объекта (“моральный износ”), но не к рациональному расходованию семейных трудовых ресурсов в стремлении обеспечить безопасное существование и устойчивые социальные связи (социальный капитал). Что, кстати, соответствует появившейся позднее (в 1954 г.) иерархии потребностей Абрахама Маслоу, где на базовом уровне находятся физиологические потребности, затем потребности в безопасности, потом социальные потребности, после – потребности престижа и, наконец, духовные потребности². Все эти ступени в той или иной степени в моральной экономике присутствуют.

Базовым объектом исследования у Чаянова выступает не индивидуум, общество или власть, а семейно-трудовое крестьянское хозяйство. Но не в общепринятом физиократическом смысле (Дейдра Макклоски говорила, что “со времен “Оснований экономического анализа” Самуэльсона экономика рассматривала в качестве своей модели физику XIX в.”³), а как социальная единица жизнедеятельности. Чаянов, очевидно, по наитию, нащупал максимум, на протяжении всего XX в. подвергавшуюся невиданной обструкции со стороны так называемых экономистов-“рыночников”, высший экономический принцип, позднее сформулированный Карлом Полаanyi: “Экономическая деятельность человека, как правило, полностью подчинена общей системе его социальных связей. Человек действует не для того, чтобы обеспечить свои личные интересы в сфере владения материальными благами, он стремится гарантировать свой социальный статус, свои социальные права, свои социальные преимущества. Материальные же предметы он ценит лишь постольку, поскольку они служат этой цели”⁴.

Чаянов призывал без насущной на то необходимости не увлекаться в своих размышлениях и умозаключениях о крестьянском хозяйстве математической логикой, физикой или статистикой: “Одним из наиболее обычных и досадных затруднений в деле понимания крестьянского хозяйства является свойственный нам статистический способ его восприятия и мышления. 1,78 лошади, сопоставляемые с 8,34 душ обоего пола, 26,15 % безлошадных, падение ряда средних величин скотовладения (в переводе на крупные) в зависимости от повышения процента грамотности и другие им подобные понятия – вот те образы и представления, в которых русская экономическая наука привыкла мыслить объект нашего исследования. А тем не менее мы совершенно уверенно можем полагать, что мыслить так производящий аппарат крестьянского хозяйства – все равно что описывать строение современной паровой машины говоря, что она состоит из 39 % Fe, 31 % Cu, 16 % H₂O и 14 % органических веществ различного состава”⁵.

⁷ Теория моральной экономики, к огромному сожалению, так и осталась незавершенной. Коренной москвич Александр Чаянов, родившийся в 1888 г., в июле 1930 г. вместе с другими крупнейшими русскими экономистами был арестован по делу вымышленной “кулацко-эсеровской группы Кондратьева – Чаянова”, в 1932 г. осужден коллегией ОГПУ при Совнаркоме СССР на пять лет тюремного заключения, а 3 октября 1937 г. расстрелян в Алма-Ате. Реабилитирован посмертно в 1987 г.

Через несколько лет, во время Второй мировой войны, Хайек, скорее всего незнакомый с взглядами Чаянова, произнесет практически то же самое, правда, не столько об экономических отношениях, сколько о вещах: “Ныне все без исключения общественные науки изучают то, как ведут себя люди по отношению к окружающей их среде – другим людям и вещам... Возьмите такие понятия, как инструменты, продукты питания, лекарства, оружие, слова, предложения, средства общения или акты производства или любой конкретный пример из этого ряда... Нетрудно убедиться, что все эти понятия (что верно и для более конкретных случаев) отсылают нас не к каким-то объективным свойствам, которыми обладают вещи или которые наблюдатель может в них обнаружить, но к мнениям по поводу этих вещей, которых придерживаются какие-то другие люди. Такие объекты вообще невозможно определить в физических терминах, потому что здесь нет никакого единого физического свойства, которое должно было бы быть у каждого представителя того или иного класса. Эти понятия есть не просто абстракции вроде тех, что мы используем в любой естественной науке; они абстрагированы от всех физических свойств вещей как таковых”⁶.

Возможно, подход, предложенный Чаяновым, кому-то покажется неоптимальным, тем более что согласно экономико-теоретическому мейнстриму, “рынком игнорируется все, что не имеет стоимостного выражения”⁷, однако такой путь позволяет открыть новую страницу в изучении мотивационной составляющей русского экономического этоса, весьма и весьма далекой от локальной экономической цели получения прибыли, извлечения коммерческого дохода, чем, собственно, и объясняется появление Чаянова и его воззрений в данной книге. К тому же с точки зрения психологии к объективным индикаторам благополучия относится достаточно широкий спектр социально-экономических показателей, и в первую очередь: а) материальный достаток, б) социальное положение и в) профессиональная занятость⁸, где доход, конечно же, значим, но, что называется, “один из”.

Вернемся к моральной экономике, нацеленной не столько на получение прибыли, сколько на доставление средств существования членам семейно-трудового крестьянского хозяйства. При этом будем иметь в виду, что в эпоху Екатерины II крестьянство составляло до 95 % российского населения, а согласно переписям 1897 и 1926 г. доля сельского населения России оценивалась, соответственно, в 85 и 82 % от общей численности населения. Менталитет за столь короткий отрезок времени, прошедший с начала урбанизации, существенно не меняется. Собственно, многие ментальные черты, свойственные не только прошлому и позапрошлому векам, но даже русскому Средневековью, по-прежнему аукаются в общественно-экономическом поведении наших современников. Еще одно ограничение: мы говорим о русском менталитете, а не о “локомотивах” устойчивого экономического роста, поскольку очевидно, что в современных условиях ни сельское хозяйство, ни аграрии с их небольшими доходами в отрыве от прочей экономики (в первую очередь от сферы услуг) слугить ключевыми “двигателями” развития экономики не могут.

Согласно выводам Чаянова и его коллег по организационно-производственной школе, для крестьян “в трудовом земледельческом хозяйстве нормы напряжения труда значительно ниже его полного использования... А.Н. Челинцев в Тамбовской губернии наблюдал колебания в использовании рабочего времени (за вычетом праздников) у мужчин от 37 до 96 %, у женщин – от 15 до 55, у полурабочников – от 8 до 40 %”. Чтобы было понятнее, что такое напряжение труда, Чаянов приводит эмпирические данные годовых затрат труда на одного работника по 25 обследованным хозяйствам Волоколамского уезда, по которым среднее количество затраченных в году рабочих дней на сельскохозяйственные работы составляет 118,1 (от 48,5 до 190,9 дня), на промыслы – 13,7 (от 0 до 58,8), всего – 131,8 (от 78,8 до 216,0) рабочих дня в году (за вычетом воскресных и праздничных дней, не совпадающих с воскресными). Разумеется, от региона к региону показатели разнятся (например, аналогич-

ное исследование, предпринятое к трехсотлетию дома Романовых в Красноуфимском уезде Пермской губернии, дало цифру в 48 % от максимального годового лимита трудовых ресурсов)⁹, больше того, в периоды весенне-летних полевых работ или зимней молотбы рабочих рук не хватало. Однако хочу предостеречь читателя от чрезмерного погружения в крестьянско-трудовую сторону вопроса, поскольку речь идет, напомним, не о перспективных видах экономической деятельности, а о менталитете русского человека.

Таким образом, “располагая резервами для увеличения собственного производства и для получения доходов на стороне, крестьянское хозяйство только в экстремальных обстоятельствах могло подвергаться суровой депривации”¹⁰, или лишению (существенному ограничению) возможности удовлетворения необходимых жизненных потребностей, поскольку имело значительный объем неиспользуемого трудового ресурса. Кроме того, стремление минимизировать негативные последствия наступления риска “экстремальных обстоятельств” (неурожая, падежа скота, эпидемий, воровства, грабежей и пр.) находит свое выражение в желании русского крестьянина оказаться под крылом более сильного: господина, монастыря, государства. Другим инструментом минимизации этого риска является формирование заповедей и обычаев на все тот же “черный день”.

“Для измерения давления потребительских запросов, – пишет далее Чаянов, – мы воспользовались коэффициентом, определяющим собою соотношение числа потребительских единиц хозяйства с числом его рабочих сил, говоря иначе, величиной отношения числа едоков к числу работников (е/р). Группируя по высоте этого отношения бюджетного обследования хозяйства, мы получим следующие цифры годовой продукции (чистой) работника” (табл. 2.1).

Важное уточнение: здесь и далее в книге мы не будем заикливаться на специфических личностных характеристиках населения российских регионов, по умолчанию предполагая, что некоторые незначительные различия в ментальных чертах, обусловленные предшествующим развитием той или иной территории, сословным составом жителей, да даже природно-климатическими особенностями, все же присутствуют.

Таблица 2.1

Результаты исследований группы Чаянова по некоторым регионам

Территория	Показатели				
<i>Старобельский уезд Харьковской губернии:</i> – отношение е/р – чистая продукция на одного работника (руб.)	1,00–1,15 68,1	1,16–1,30 99,0	1,31–1,45 118,3	1,46–1,60 128,9	>1,61 156,4
<i>Новгородская губерния:</i> – отношение е/р – чистая продукция на одного работника (руб.)	1,00–1,25 91,56	1,26–1,50 106,95	>1,51 122,64	–	–
<i>Вологодский уезд Вологодской губернии:</i> – отношение е/р – чистая продукция на одного работника (руб.)	1,01–1,15 63,9	1,16–1,30 79,1	1,31–1,45 84,4	1,46–1,60 91,7	>1,61 117,9
<i>Вельский уезд Вологодской губернии:</i> – отношение е/р – чистая продукция на одного работника (руб.)	1,01–1,15 59,2	1,16–1,30 61,2	1,31–1,45 76,1	1,46–1,60 79,5	>1,61 95,5

Источник: *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: избранные труды / Редкол. сер. Л.И. Абалкин (пред.) и др. – М., 1989. – С. 240.

Проанализировав эмпирические данные, Чаянов приходит к выводу, что “при прочих равных условиях крестьянский работник, стимулируемый к работе потребностями своей семьи, развивает *тем большую энергию*, чем сильнее давление этих потребностей. Мера самоэксплуатации в сильнейшей степени зависит от степени обремененности работника потребительскими запросами своей семьи. Сила влияния потребительских запросов в данном случае настолько велика, что в целом ряде районов под давлением нарастающего потребительского запроса работник развивает свою продукцию в строгом соответствии с нарастающим числом едоков и объем хозяйства семьи зависит всецело от числа едоков, а отнюдь не от числа работников... С другой стороны, затраты энергии сдерживаются тягостностью самого труда, и чем тяжелее труд по сравнению со своею оплатою, тем на более низком уровне благосостояния останавливает свою работу крестьянская семья, хотя часто для достижения и этого пониженного уровня ей приходится делать большие усилия”.

Степень самоэксплуатации, по Чаянову, устанавливается соотношением между мерой удовлетворения потребностей (которые, как известно, у всех разные, объективно, по числу нетрудоспособных членов семьи, и субъективно, по потребительским запросам) и мерой тягости труда. Зависимость, как следует из данных табл. 2.1, действительно строгая – чем больше в хозяйстве (семье) едоков, тем больший объем продукции вырабатывает работник.

Далее Чаянов сравнивает русский экономический менталитет с протестантским (табл. 2.2): «В соответствии с приведенными русскими цифрами интересно отметить соответствующий подсчет по бюджетам города Гамбурга, заимствованным из работы “Erhebungen von Wirtschaftsrechnungen minderbemittelter Familien im Deutschen Reich” (Berlin, 1909), в которых увеличение обременения работников едоками ввиду ограниченности возможного расширения заработка рабочего выразилось не столько в расширении его продукции, сколько в *сокращении уровня потребления*» (здесь курсив мой. – Н.К.).

Таблица 2.2

Влияние отношения е/р на бюджет рабочих семей г. Гамбурга

Показатели е/р	1,01–1,15	1,16–1,30	1,31–1,45	1,46–1,60	1,61–1,75	1,76–1,90	>1,91
Число семей	8	18	14	9	8	6	8
На одного работника из личного бюджета	902	953	1020	986	1071	1063	1071
На одного едока из личного бюджета	854	802	764	662	652	590	494

Источник: *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: избранные труды / Редкол. сер. Л.И. Абалкин (пред.) и др. – М., 1989. – С. 240.

Сравним “гамбургские” данные с “волоколамскими” (табл. 2.3), обратив особое внимание как на возрастание в хозяйствах Волоколамского уезда общего объема продукции на одного работника, так и на увеличение занятости (числа рабочих дней) по мере прибавления числа едоков.

Таблица 2.3

Влияние е/р на продуктивность хозяйства в Волоколамском уезде

Отношение е/р	1,01–1,20	1,21–1,40	1,41–1,60	>1,61
“Продукция” работника (руб.)	131,9	151,5	218,8	283,4
На одного работника приходится рабочих дней	98,8	102,3	157,2	161,3

Источник: *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: избранные труды / Редкол. сер. Л.И. Абалкин (пред.) и др. – М., 1989. – С. 241.

Таким образом, функциональную зависимость величины чистой продукции на одного работника (P_p) можно представить в виде:

$$P_p = f(L, M, I) V / E_p,$$

где L – степень тяжести труда;

M – средний уровень оплаты труда;

I – интенсивность труда по времени;

V – объем выручки (продукции), приходящийся на семью;

E_p – отношение количества едоков к количеству работников в семье.

Что и требовалось доказать: при прочих равных гамбургский работник (схожие выводы получились при исследовании хозяйств в Швейцарии) начинает экономить на потреблении, а русский работник, стимулируемый к работе потребностями увеличившейся семьи, начинает больше работать, даже при сопоставимом основном капитале. В случае же явного недостатка основных средств (орудий производства или земли) неиспользуемый трудовой ресурс члена русского семейно-трудового хозяйства не остается горемычно-невостребованным, а перетекает в промыслы (говоря современным языком, начинается подработка на стороне). Но может, секрет кроется в тех самых “прочих равных условиях”, например в производительности труда? На этот вопрос Чаянов отвечает так: “...доходы под влиянием увеличения производительности труда возрастают значительно, причем, однако, скорость нарастания бюджета значительно *отстает* от скорости нарастания производительности труда. Последнее обстоятельство, несомненно, указывает нам, что *годовое напряжение труда под влиянием лучшей его оплаты становится меньшим*, ибо для того, чтобы оно оставалось тем же самым, совершенно необходимо, чтобы производительность годового труда (а равно и уровень благосостояния) нарастала пропорционально повышению оплаты единицы труда”. Проще говоря, зачем работать больше, если материальный результат труда пусть и возрастает, но в значительно меньшей степени? Не об этом ли говорит русская поговорка “От работы кони дохнут”?

Еще одна вводная – ухудшение рыночной конъюнктуры, влекущее снижение рентабельности семейно-трудового хозяйства. Этот тезис Чаянов парирует следующим образом: “...при падении рыночной конъюнктуры благодаря механизму трудового расчета отрицательные величины (убыток) появляются в крестьянском хозяйстве гораздо позже (ввиду незначительных потребительских запросов. – *Н.К.*), чем в капиталистическом (откуда исключительная выживаемость и устойчивость крестьянских хозяйств), и часто условия внутреннего основного равновесия семейного хозяйства делают для него приемлемыми очень низкие оплаты единицы труда, дающие возможность существовать в условиях, обрекающих капиталистическое хозяйство на несомненную гибель”. Иными словами, незначительные потребительские запросы россиян на протяжении веков были ведущим страновым конкурентным преимуществом.

Наконец, мы можем предположить, что в семейно-трудовом хозяйстве увеличилась капиталоемкость, или основной капитал, необходимый для выпуска продукции, иными словами, в хозяйство пришли инвестиции. Об инвестиционной составляющей и ее влиянии на повышение эффективности крестьянского хозяйства Чаянов пишет так: “...новая затрата капитала будет с точки зрения трудового хозяйства *невыгодной*, коль скоро она, несмотря на увеличение валового дохода, приведет к *увеличению тягостности предельной затраты труда, к уменьшению степени удовлетворения потребностей*”. Соответственно, приемлемыми дополнительные капиталовложения будут “*при меньшей тягостности предельной затраты труда и при большей мере насыщения потребностей*”⁸. Как в конце данного подраздела не вспомнить идеалиста-мечтателя Макса Вебера, рассуждавшего о необходимости при квалифицированном труде и дорогостоящем оборудовании прививания такого строя мышления, “который хотя бы во время работы исключал неизменный вопрос – как бы при максимуме удобства и минимуме напряжения сохранить свой обычный заработок”, причем

⁸ Здесь Чаянов подтверждает вывод Адама Смита: “Рост заработной платы необходимо ведет к возрастанию цены многих товаров, поскольку увеличивает ту часть ее, которая приходится на заработную плату и, таким образом, имеет тенденцию уменьшить потребление этих товаров как внутри страны, так и за границей. Однако та же причина, которая повышает заработную плату за труд, а именно возрастание капитала, имеет тенденцию увеличить производительную силу труда, благодаря чему при затрате меньшего количества труда производится большее количество изделий” (*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1962. – С. 79).

Вебер осознавал, что “такое отношение к труду не является, однако, свойством человеческой природы... подобная направленность может сложиться лишь в результате длительного процесса воспитания”¹¹.

Русский человек “не загружался” подобными рассуждениями, ему нужно было кормить семью, он исходил из традиционалистского подхода, предполагающего выстраивание собственного хозяйственного поведения не от “воздушных замков”, но “от печки”, то есть от фактических потребностей его родных и близких. При этом полагаться на формирование новых, выходящих за рамки традиционных, потребностей, которые якобы станут дополнительным стимулом к повышению производительности труда – занятие, как представляется, пустое. Гаджет, образование или квартира (собственный дом) суть те же традиционные потребности, что довели над нашими предками, только в современном, модифицированном виде. С удовлетворением которых существенная часть стимулов к продуктивной работе, как, следовательно, и сама высокопроизводительная трудовая деятельность, исчезают.

Такой мотивационный строй, возможно, присущ русскому человеку лишь *в настоящее время*, в будущем все будет иначе, тем не менее, если мы хотим достичь устойчивого экономического роста в нынешних условиях, отталкиваться нужно от *сложившейся* мотивационной парадигмы, передающейся, между прочим, “по наследству”, из поколения в поколение, а не привнесенной откуда-то из космоса.

Не будем забывать, что настройка и управление экономическим ростом – это ювелирное искусство, а не слепое следование чьим-то далеко не всегда подходящим конкретной стране шаблонам. Таким, например, как тот же либерализм в трактовке его идеолога Мизеса: “Либерализм представляет собой доктрину, целиком и полностью направленную на поведение людей в этом мире.

...В конечном счете он не подразумевает ничего, кроме повышения материального благополучия людей, и напрямую не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей. Он обещает людям не счастье и умиротворение, а лишь максимально полное удовлетворение всех тех желаний, которые могут быть удовлетворены с помощью вещей внешнего мира”¹².

Только ли материальным благополучием живет русский, да и не только русский, человек? Вопрос риторический – конечно же, нет. Тем не менее снова и снова то тут, то там появляются тезисы поборников экономического либерализма, не подозревающих о том, что такая хозяйственная “религия” нам не подходит, что называется, по определению.

Еще один аспект. В 1920-е и 1930-е гг. многие крестьяне стали горожанами, занятыми на промышленных объектах. Но изменился ли менталитет нового рабочего класса? Нет, не изменился. Рабочие, как и прежде, трудились, вырабатывая только лишь необходимую им “пайку”. Не помогли ни многочисленные соцсоревнования, ни призывы партии и правительства. Очевидно, именно в русском менталитете кроется главная причина многочисленных прозападных управленческих “экспериментов” на наших предприятиях.

В конце хотелось бы предостеречь “экзальтированную” часть публики от неумеренного восхваления Чаянова и его сторонников, от горьких сетований: “какого экономиста потеряли”. Наследие Чаянова, безусловно, интересно нам, и в огромной степени благодаря тонко подмеченному им свойству русского этоса повышать трудовые усилия по мере роста числа едоков в семьях (и, соответственно, снижения трудовой активности после решения основных “семейных” задач), однако некоторые прочие раннесоциалистические воззрения Чаянова вызывают больше вопросов, нежели восторгов. Например, Чаянов, видимо, воодушевленный идеями безденежного натурального военного коммунизма (а может, возжелавший встроиться в новую социалистическую парадигму), утверждал, что социалистическое хозяйство – это “единое колоссальное натуральное потребительское трудовое хозяйство”, а эффективность работы отдельных социалистических предприятий должна определяться

“соотношением результатов и усилий в натуре”¹³. Что это, абстрагируясь от лозунгов, за “усилия в натуре”, чем их измерить (притом что измерение результатов можно проводить в натуральных показателях, а всех усилий – нет), каким образом в предложенной умозрительной схеме можно обойтись без денег как всеобщего обменного эквивалента (или что будет этим эквивалентом), в конце концов, кто будет верстать натуральный баланс национального хозяйства и приводить отдельные показатели в тоннах, литрах, километрах к неведомому общему знаменателю, Чаянов не раскрывал.

Чаяновские заветы

Из вышесказанного следует ряд весьма и весьма ценных для современной, подчеркну, русской, теоретической и практической экономики выводов.

Во-первых, извечный русский патернализм как система отношений, при которой власти удовлетворяют определенные потребности граждан, а те в обмен позволяют диктовать им модели поведения, оказывается, имеет вполне понятную экономическую специфику. Крестьяне всегда стремились встать под крыло сильного, однако имущие, по крестьянским представлениям, не должны покушаться на то, что жизненно необходимо крестьянской семье, – иными словами, сильные обязаны корректировать свою деятельность в соответствии с базовыми материальными и социальными потребностями людей. Регулярная плата натурой (барщина или работа на хозяина, в экстремуме – на государство) и деньгами (оброк, ныне налоги) подразумевает, по мнению русских, моральные обязанности сильных поддерживать слабых при наступлении “экстремальных обстоятельств”. Моральная экономика имела и имеет локационные территориальные и социальные границы, будь то деревня, городское образование (особенно моногорода) или страна; община, каста или нация в целом.

Во-вторых, русский человек, прежде всего крестьянин, всегда стремился стать собственником, причем не столько средств производства, сколько того минимума активов, что позволял ему и его семье обеспечивать удовлетворение жизненных потребностей. К числу таких активов, в частности, относится жилище, то есть крыша над головой. В этом нет ничего экстраординарного, ровно такое же желание есть, по-видимому, у других народов. Разница в том, что в той же Европе городское население вынуждено арендовать жилые помещения, у нас же все силы крестьян были направлены на возведение *собственных* стен.

Отношение к собственности у русских специфическое, завязанное на результаты вложенного в этот актив собственного труда. Известен случай, описанный философом Федором Гиренком: “Крестьянин нарубил лес, погрузил его на телегу и повез к себе в деревню. Его остановили и стали укорять за кражу господского леса. Когда крестьянина назвали вором, он пришел в ярость, уверяя, что никогда в жизни ничего не украл чужого. Тогда ему указали на лес. Ну, это другое дело. Ведь лес же он ничей. Он божий. Его никто не сажал, за ним никто не ухаживал. Поэтому лес для всех, как воздух. А вот если бы к нему был приложен труд, тогда другое дело”¹⁴. Если власть не видит формальных причин для предъявления претензий к тем, кто не вполне законно завладел не принадлежащей им собственностью, то это не значит, что неформальная, общественная реакция будет такой же, как бы людей ни убеждали в обратном. Впрочем, это вполне объяснимо ментальными отличиями между крестьянскими семьями и квазисемьями элит. Разница в том, что крестьянских семей существенно больше, отсюда – общественное неприятие.

Здесь мы подходим к констатации плохо скрываемого раздражения русских по отношению к предпринимателям, в первую очередь к торговцам-купцам, преумножающим свои богатства, как полагают люди, в том числе при помощи обмана. И, конечно, к откровенному неприятию итогов многочисленных приватизаций: от дарования Петром III дворянам освобождения от обязательной 25-летней государственной службы (разгосударствление дворянства), когда крестьяне, прежде считавшие своим жизненным предназначением отдавать всего себя за Помазанника Божия и его подданных, оказались закабаленными непонятно кем (мина, заложенная в 1762 г. и рванувшая в 1917-м), до приватизации активов в 1990-е (закладка, ждущая своего часа).

В-третьих, резервы роста российской экономики находятся не только в плоскости повышения производительности труда посредством использования достижений технического прогресса, максимального использования действующих мощностей, повышения обра-

зовательного уровня работников или достижения большей эффективности организации производства, и даже не в приросте инвестиций. Огромное значение, как показывают исследования Чаянова, имеет мотивационная составляющая, вычислить которую для современной России можно исходя из структуры домохозяйств. Об этом выводе мы поговорим подробнее в заключительной главе.

Потребительское смятение

Чаяновские “потребительские запросы” и “удовлетворение потребностей” подводят нас к, пожалуй, одной из самых трудных тем в разделе. Речь – о потребительстве (консюмеризме), которым в начале XXI в. заразилось российское общество. И если в США, говоря словами Джеффри Сакса, “неумолчный бой барабанов консюмеризма, раздающийся во всех уголках жизни американцев, привел к крайней близорукости, пагубным потребительским привычкам и ослаблению способности к состраданию”¹⁵, то в России последствия были много хуже. Наш народ с еще неокрепшей после полуголодных 1990-х социальной психикой (а иначе чем объяснить непроходящую ментальную привычку бесцельно заговариваться в продовольственных супермаркетах с непременной последующей утилизацией несъеденного) в короткий период получил возможность удовлетворять практически все свои потребности. Однако не за счет увеличения трудового напряжения, что было логичным в чаяновские времена, но посредством трат незаработанных или будущих, отнюдь не определенных, доходов, полученных что в результате головокружительного взлета цен на углеводородное сырье, что – в ходе разухабистого насаждения потребительского кредитования.

В наши дни по-прежнему актуальной видится мысль Торстейна Веблена, высказанная им еще в 1899 г., о распространении вируса потребительства во всех социальных группах: “Любое демонстративное потребление, ставшее обычаем, не остается без внимания ни в каких слоях общества, даже самых обнищавших. От последних предметов этой статьи потребления отказываются разве что под давлением жесточайшей нужды. Люди будут выносить крайнюю нищету и неудобства, прежде чем расстанутся с последней претензией на денежную благопристойность, с последней безделушкой”¹⁶. Абстрагируясь от рассуждений о закредитованности российского населения, о том, что в современном российском социуме немало индивидуумов берут новые потребительские кредиты ради рефинансирования старых, впору говорить об обеспечении мягкой посадки не столько всей российской экономики, сколько потребительского поведения⁹ россиян. В “тучные” годы потребительство, вещизм власть не волновали, поскольку, с одной стороны, людям нужно было дать возможность дышать после всех либеральных ужасов 1990-х, а с другой стороны, в околоставных экономических кругах росло, крепло и передавалось руководителям страны убеждение, что “деревья будут расти бесконечно”. Конечно, абстрактную финансовую грамотность населения повышать необходимо, но что можно было противопоставить агрессивному распространению банковского потребительского кредитования, когда потворствовать самым смелым потребительским мечтам (чтобы соответствовать своему “семейному” субобществу) можно было не отходя от кассы? Апофеозом потребительского культа выступает роскошь, которая завтра, по уверению классика либерализма Людвиг фон Мизеса, должна стать предметом первой необходимости: “Любое новшество появляется на свет в виде роскоши для небольшого количества богатых людей, с тем чтобы спустя какое-то время стать предметом первой необходимости, всеми принимаемым как должное”¹⁷. Впрочем, приписывать Мизесу авторство данной мысли не вполне корректно – по всей вероятности, Мизес “позаимствовал” (расширил, обработал) идею у Смита: “Дома, обстановка и утварь, одежда богатых людей спустя короткое время используются низшими и средними слоями народа. Эти последние оказываются в состоянии приобретать их, когда эти предметы надоедают выше их стоящим классам;

⁹ Потребительское поведение – это стремление к обладанию вещью с целью демонстрации имущественного, социального и личного статуса.

таким образом, постепенно улучшается общая обстановка жизни всего народа, когда такой способ расходования своих средств становится общераспространенным у богатых людей»¹⁸. Конечно, конечно – антиквариат, яхты, частные острова в скором времени станут таким же атрибутом повседневной жизни “низших и средних слоев народа”, как зубная щетка. И еще. Как-то странно читать у Смита в одном месте “Богатства народов” о естественной передаче предметов роскоши в “низшие и средние слои народа”, а в другом находить мысль, созвучную “моральной экономике”: “Роскошь, может быть, порождает в прекрасном поле страсть к наслаждениям, но, по-видимому, всегда ослабляет и часто совершенно уничтожает способность к деторождению”¹⁹.

Проблема не столько в том, что люди тратят все больше денег напоказ, и даже не в том, что они добровольно идут в долговое рабство, сколько в том, что негативный эффект потребительства выражается в атомизации общества: росте животного эгоизма, утрате чувства общественного сострадания, готовности пожертвовать истинными приоритетами ради сиюминутных ценностей. К приоритетам, если исходить из информации данного раздела, нужно отнести восстановление ценности семьи, материнства и, само собой, труда.

Как это сделать? Гуру современной науки о пропаганде Эдвард Бернейс ответил на этот вопрос так: “Сознательное и умелое манипулирование упорядоченными привычками и вкусами масс является важной составляющей демократического общества... Нами правят, наше сознание программируют, наши вкусы определяют, наши идеи нам предлагают – и все это делают в основном люди, о которых мы никогда и не слыхивали... Именно такое взаимодействие необходимо для мирного сосуществования людей в эффективно функционирующем обществе”²⁰. В противовес этому беспросветное социальное неравенство порождает черную зависть и, как следствие, ненависть. А к чему приводит глубокое социальное расслоение, мы знаем. К тому же свобода в экономике (в отличие от свободы в политике) означает неизбежное социальное неравенство. Впрочем, как ни парадоксально это прозвучит, но возвращение из дармового рая к привычной бедности (или мягче – к жизни по средствам) побочно приведет к восстановлению утерянной было общинности. Общинности, что воссоздаст ощущение внутренней свободы, снимет подспудные материальные страхи (почти все вокруг вновь станут имущественно схожими), вернет чувство ответственности и за свою судьбу, и за судьбы родных и близких. Нет, роскошь, излишества, сверхпотребление, конечно, останутся, но это будут, скорее, точечные экстремумы, чем былой привычный образ жизни.

Поживем – увидим, насколько верны это предположения. И если они окажутся правдивы, на пропаганду точно не придется тратить. В мире существуют, пожалуй, лишь три настоящих вида роскоши: интеллект (компетенции), память и время. Роскошь личного (социального) общения не упомянута специально – если о ней вспомнили, то не все еще потеряно.

Наконец, последнее в этой главе. Чайновская моральная экономика отнюдь не противоречит утверждению, что экономика, так же как весь мир, движима энергией первопроходцев-пассионариев. Чайнов делал слепок с русского общества в целом, наверняка отдавая себе отчет в том, что в каждом поколении отыщутся самородки, расширяющие границы как познания, так и национального хозяйства, имена которых пройдут сквозь века. Таких

людей должно находить и всячески поддерживать. В то же время Россия всегда была сильна общинным менталитетом. Изучить его основные черты, понять русскую общину – задача следующей главы.

* * *

¹ *Кожин В.В.* Россия. Век XX (1901–1939). – М., 1999. – С. 27.

² См.: *Маслоу А.* Мотивация и личность / Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999.

³ *Макклоски Д.* Риторика экономической науки / Пер. с англ. О. Якименко; Науч. ред. перевода Д. Расков. – 2-е изд. – М.; СПб., 2015. – С. 40.

⁴ *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб., 2014. – С. 58.

⁵ Здесь и далее цит. по: *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: избранные труды / Редкол. сер. Л.И. Абалкин (пред.) и др. – М., 1989. – С. 238–380.

⁶ *Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок: Пер. с англ. О.А. Дмитриевой / Под ред. Р.И. Капелюшникова. – Челябинск, 2011. – С. 71–72.

⁷ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 178.

⁸ См.: *Джидарьян И.А.* Представление о счастье в российском менталитете. – СПб., 2001. – С. 61.

⁹ См.: Крестьянское хозяйство в России. Извлечение из описаний хозяйств, удостоенных премий в память трехсотлетия Царствования Дома Романовых / Сост. П.В. Халютин. – Пг., 1915.

¹⁰ О причинах русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – Изд. стереотип. – М., 2014. – С. 117.

¹¹ *Вебер М.* Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – 3-е изд., доп. и испр. – М., СПб., 2013. – С. 34.

¹² *Мизес Л.* Либерализм. – М., 2011. – С. 16–17.

¹³ *Чаянов А.В.* Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. – М., 1921. – С. 13, 21.

¹⁴ *Гиренок Ф.И.* Моральная экономика: третий путь // *Философия хозяйства.* – 1999. – № 1. – С. 47–49.

¹⁵ *Сакс Д.* Цена цивилизации: Пер. с англ. А. Калинина / Под ред. В.Ю. Григорьевой. – М., 2012. – С. 215.

¹⁶ *Веблен Т.* Теория праздного класса. – М., 2011. – С. 120–121.

¹⁷ *Мизес Л.* Указ. соч. – С. 69.

¹⁸ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1962. – С. 256.

¹⁹ Там же. – С. 73.

²⁰ *Бернейс Э.* Пропаганда / Пер. с англ. И. Ющенко. – М., 2010. – С. 1.

Глава 3. Один в поле не воин

Общинные черты русского экономического характера в современной российской экономической теории то ли считаются незаслуживающим внимания фантомом, то ли до них у исследователей еще не дошли руки. Известных работ по этой тематике практически не существует, социально-экономические решения нынче принимаются исходя из пролиберальной максимы homo oeconomicus, то есть человека, представляющего собой молниеносного вычислителя выгод и удовольствий, а население в это время никак не может взять в толк, почему власть его не понимает. В этой главе мы поговорим о семейно-родовых чертах возникновения общины, не обойдем стороной роль варягов в русской истории, остановимся на общинной специфике прав собственности, посмотрим на общину как на демократический институт, а также обсудим русский социальный капитал.

Общинный, коллективистский образ мышления русского человека является общепризнанным фактом, но все же нуждается в некоторых пояснениях, вносящих дополнительную рельефность в экономическую мотивацию современного социума. Действительно, как можно строить планы, составлять прогнозы, разрабатывать стратегии без осознания ментальных факторов, движущих людьми? По словам Фрэнсиса Фукуямы, это хорошо понимал еще Адам Смит: “Экономическая жизнь глубоко укоренена в социальной жизни и ее невозможно понять отдельно от обычаев, нравов и устоев конкретного исследуемого общества – одним словом, отдельно от его культуры”¹.

На протяжении столетий Россия была преимущественно аграрной страной, где ключевым общественным институтом выступала крестьянская община. Общинный менталитет твердо впечатался в наше общественное сознание. Отвечая на вопрос, каковы наши общинные корни, нам не обойтись без краткого исследования процессов происхождения и развития русской общины как институционального феномена, а также причин, порождающих историческую устойчивость общинного менталитета. Важно это в связи с тем, что “социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующие преобладающие или господствующие типы отношений и духовную позицию; они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора”². Иными словами, “неэффективный”, по мнению приверженцев индивидуализма, общинный менталитет не только выстоял в процессе естественного отбора (время от времени показывая поистине выдающиеся результаты в самых разных сферах), но и по-прежнему, как я полагаю, в значительной мере формирует господствующий тип общественных отношений в России.

Родня

Большинство историков XIX–XX вв. склонялись к тому, что община имеет ярко выраженные родовые корни. Вот что писал о началах русской общины Кулишер: “Исходную точку в области аграрного строя древней Руси составляет, по-видимому, то же групповое (общинное), а не индивидуальное землевладение, которое мы находим в наиболее раннюю эпоху хозяйственной жизни и других народов... Такой родовой характер землевладения соответствует и свойствам первобытной обработки земли – выжигание и выкорчевывание лесов являлось делом настолько тяжелым, что его могла осилить лишь группа людей, лишь “большая семья”, но никак не семья в современном смысле”³.

“Из Днепровского бассейна к северу и востоку за Волгу и Оку¹⁰, – продолжал Кулишер, – подвигалось население и здесь, в окско-волжском междуречье, поглотив туземцев-финнов, оно образовало плотную массу и завязало народнохозяйственный узел. Посреди непроходимых лесов и болот поселенцы отыскивали сухие места, открытые пригорки, оазисы плодородной земли, здесь они ставили починки, выжигали леса, выкорчевывали пни, поднимали целину”⁴. Очевидно, что осуществлять хозяйственные перемещения было удобнее группами, связанными не только общими целями, но и родственными узами.

Историк Сергей Соловьев также указывал на подвижный, кочевой характер русской жизни как на отличительную черту древнерусской нации, правда, причины кочевания были далеки от склонности к бродяжничеству: “...движимого так мало, что легко вынести с собою, построить новый дом ничего не стоит по дешевизне материала, – отсюда с такою легкостью старинный русский человек покидал свой дом, свой родной город или село; уходил от Татарина, от Литвы, уходил от тяжелой подати, от дурного воеводы или подьячего...”⁵. От татаро-монгольского нашествия, от литовских захватчиков, от непомерных налогов, от самодура-начальника шел русский человек вглубь Руси, “проваливаясь” в территориальную пустоту, слыша лишь шум девственного леса или степного ветра.

Были ли русские колонистами в привычном понимании колониализма как системы порабощения менее развитых государств и народностей? Нет. “Россия никогда не была “колониальной державой” в общепринятом смысле и тем качественно отличалась от западноевропейских империй. У нее никогда не было метрополии как таковой: исторический центр был, а метрополии не было. Российская территориальная экспансия (позднее. – *Н.К.*) носила главным образом стратегический характер, диктовалась потребностями военной и государственной безопасности”⁶.

Здесь же процитируем современного ученого Александра Неклессу, высказавшегося о России как о стране экстремального пути, так: “Сотни лет мы шли навстречу вьюгам с юга вдаль, на северо-восток” – в строчках Максимилиана Волошина зафиксированы два существенных тезиса. Во-первых, Россия опознана как страна пути, а во-вторых, отмечена экстремальность ее маршрута. Русь, затем Россия была соорганизована посредством пути, путепроводов речных и сухопутных”⁷.

Очевидно, что ветер странствий, перемен, через терпеливость, выносливость, неприхотливость, недоверчивость, подозрительность, готовность к отражению природной или человеческой агрессии и другие качества, свойственные путешественнику поневоле, внесли

¹⁰ Здесь точно подмечен постепенный исход русских с берегов Днепра на северо-восток. Вот как позднее описывал русское запустение итальянец Джованни Плато Карпини, проезжая в 1246 г. через Киев на Волгу в Монгольскую империю: “Руси здесь осталось очень мало: большая часть ее либо перебита, либо уведена в плен татарами. На всем пройденном им пространстве южной Руси в Киевской и Переяславской земле... встречал по пути лишь бесчисленное множество человеческих костей и черепов, разбросанных по полям” (*Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. I. – М., 1904. – С. 356).

свой отпечаток в русский экономический характер. Также, впрочем, как и выработанная за долгие годы стратегия преобладания краткосрочных собственных интересов, причем часто – хищнических (“После нас – хоть потоп”). Вот, к примеру, одно из впечатлений афроамериканского рабочего из США Роберта Робинсона, оказавшегося в России в начале 1930-х: “Для русского человека выживание важнее благопристойности”⁸.

Но вернемся к общине. Вот что писал об общинно-родовой природе землепользования историк Борис Чичерин: “Само разделение русских славян на племена указывает на господство естественной, кровной связи между людьми. Где народное единство основывается на союзе племенном, там все гражданские отношения вытекают из отношений естественных, патриархальных. С племенем неразлучен и род; это меньшая его единица. А где есть род, там есть и родовая собственность... наша сельская община имела свою историю и развивалась по тем же началам, по каким развивался и весь общественный и государственный быт России. Из родовой она сделалась владельческой, а из владельческой государственной”⁹. Ниже мы будем придерживаться “чичеринских” этапов трансформации крестьянской общины.

Зарубежные исследователи при изучении происхождения русской общины также придерживались по большей части “родовой” точки зрения. К примеру, прусский историк и экономист XIX в. барон Август фон Гакстгаузен, совершивший в 1843 г. при финансовой и организационной поддержке императора Николая I путешествие по российским провинциям, впоследствии писал, что “слово община, Gemeinde, означает у народов западных собрание лиц, которых сблизил случай, и которых отношения были установлены столько же правительственной и законодательной деятельностью, идущей сверху, сколько нравами и обычаями. Но как отлична от нее община славянская, первоначально бывшая только расширением патриархальной семьи, и представляющая донныне семейство фиктивное, владеющее землей сообща, и в которой глава имеет как бы отеческую власть над другими!”¹⁰.

Как бы отеческая, патриархальная власть! Трудовые, семейные династии вместе с наставничеством, когда профессиональное мастерство и жизненный опыт передавались из поколения в поколение, культивировались не только в царской России, но и в Советском Союзе. Только основы такой субидеологии появились не в ходе “мозговых штурмов” в кремлевских партийных кабинетах, но произрастали из самой соли русского общества. Ныне под воздействием тупикового либерального индивидуализма, насколько упорно, настолько и безуспешно насаждаемого в России, те традиции кажутся утерянными. Но генетическая память – вещь непредсказуемая, предполагающая реинкарнацию семейного и профессионального патриархата в любой самый неожиданный исторический момент времени. Социальные традиции в одночасье не отмирают. В советский период государство интуитивно нащупало не связанный с принадлежностью к власти способ нематериального поощрения, нравственного возвышения отдельных граждан. Прием, так же как почитание ценности социального капитала¹¹ и родственных уз, в значительной мере “заржавевший”, но все же мирно ожидающий воскрешения в арсенале мотивационных методов стимулирования экономического роста.

¹¹ “Социальный капитал можно определить просто как набор неформальных ценностей и норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы” (Фужюма Ф. Великий разрыв / Пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой. – М., 2008. – С. 30).

Оглядываясь назад, можно констатировать, что отчасти лубочное наставничество тех времен разбивалось о советский же (а ныне и российский) nepoтизм, или покровительство в форме предоставления родственникам, друзьям, близким знакомым самых разных преференций независимо от их профессиональных качеств и общественной пользы – от продвижения по карьерной лестнице и занятия “хлебных” должностей до получения выгодных государственных контрактов и всесторонней поддержки и защиты на самом высоком уровне. Советское наставничество было предназначено для “массового” употребления, а для представителей высшего света действовали совсем другие, неполитические нормы. Диктатура пролетариата во все годы существования советской власти также была социальной ложью – в повседневной жизни наши родители имели дело с диктатурой номенклатуры. Уверен: многие при воскрешении из памяти подзабытого термина “номенклатура”, в советские времена означавшего когорту партийных, государственных и хозяйственных бонз, презрительно сморщатся.

Вот как описывал свои впечатления о России 1920-х немецкий философ и теоретик культуры Вальтер Беньямин: “Россия сегодня – не только классовое, но и кастовое государство. Кастовое государство – это значит, что социальная значимость гражданина определяется не представительной внешней стороной его существования – скажем, одеждой или жилищем, – а лишь исключительно его отношением к власти. Это имеет решающее значение и для всех, кто с ней непосредственно связан. И для них возможность работы открывается тогда, когда они не становятся в демонстративную оппозицию к режиму”¹¹.

Корни же современного российского nepoтизма – в той самой родовой, владельческой общине, когда наверху волею отваги, доблести или хитрости с подхалимажем часто оказывались случайные люди, проходимцы, карьеристы, общественный жизненный цикл которых ограничивался периодом нахождения у власти “патрона”, причем неважно, как этого “патрона” величали – удельный князь, государь или руководитель министерства. Нужно ли говорить, что с тех древних времен и по сию пору в неписаных законах привилегированной социальной страты мало что изменилось?

Варяги и дружины

Община, основанная на патриархальных, семейных, родовых началах, вряд ли могла долго существовать статично, без каких-либо преобразований, в непрерывно меняющемся внешнем окружении. В немалой степени этому способствовало неизбежное соприкосновение с нравами, обычаями, принципами общественного устройства других народностей. В Древней Руси ключевыми акторами таких изменений были варяги (выходцы из Скандинавии и берегов Балтики), у которых внутренне устройство дружин было в корне отличным от уклада российской родовой общины (черты татаро-монгольского этоса русские переняли несколько позже – в период раннего русского Средневековья). Дружины объединяли в себе не только и не столько представителей одной семьи или рода, сколько людей, изначально чуждых друг другу, но соединившихся в единый общественный организм под воздействием общих целей, где старшинство определялось не по главенствующему положению в роде, но силой и воинской доблестью. Соответственно, и на Руси, с одной стороны, взяла старт трансформация полномочий главы локального социума от старшего в роду к предводителю воинского формирования (князю), а с другой стороны, началось сословное расслоение, когда князь и приближенные к нему лица постепенно прибирали к рукам все больше правомочий.

Следы значительного влияния дружинных порядков на русский общественный быт можно обнаружить во многих исторических документах, например, уже в ранних списках древнерусского сборника законов “Русская Правда”, где, в частности, представлен порядок наследования имущества после смерти смерда (крестьянина): “Аже смердь умереть, то заднивно князю; аже будут дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будут за мужем, то не даяти части им”. (Если умрет смерд, наследство отходит к князю; если после смерда останутся незамужние дочери, то выделить часть имущества им; если же дочери замужем, то не давать им ничего, муж обеспечит. – *Н.К.*) А вот как регулировались права наследования после смерти боярина или дружинника: “Аже в боярехъ любо в дружине, то за князя задница не вдеть, но оже не будет сыновъ, а дщери возмуть”. (Если умрет боярин или дружинник, то имущество не передается князю, а отходит к сыновьям-воинам, если же сыновей нет, тогда к дочерям. – *Н.К.*) Еще одна законодательная новелла, на этот раз о цене жизни привилегированного человека и простолюдина: “Аже кто убьет княжа мужа в разбои, а головника не ищуть, то виревную платити, в чьей же верви голова лежить, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривень”. (Кто убьет княжеского слугу или дружинника-воина и убийцу не найдут, то штраф в 80 гривен в пользу князя уплачивает та община, на территории которой произошло убийство, если же будет убит простолюдин, не имеющий отношения к ратной службе, штраф составит 40 гривен. – *Н.К.*)

Из тяжести наказания за убийство видно, что уже в начале второго тысячелетия (появление Русской Правды совпало с правлением Ярослава Мудрого в XI в.) бояре и дружинники имели не в пример более высокое сословное положение. Впрочем, крестьянство было отнюдь не низшей кастой, позади него в сословной лестнице стояли холопы (рабы из местных) и челядины (рабы-иноземцы, ставшие собственностью дружинников в ходе войн и междоусобиц). Так, денежное возмещение за убийство людей статусом ниже простолюдина были существенно меньше: к примеру, за убийство ремесленника полагалась уплата 12 гривен, рабы (женщины-служанки в холопском статусе и фертильном возрасте) – 6 гривен, холопа – 5 гривен¹².

Сословные перемены во многом стали предтечей организационного перехода общины из родового во владельческий статус, причем владельческие полномочия князей становились все более значимыми по мере того, как скитальческий образ жизни общинников уходил в прошлое. Земли князей становились вотчинами, сами они превращались в вотчинников,

задача привязать крестьян к земле делалась все насущней, и община переформатировалась в союз людей, объединенных не столько родственными узами, сколько общими повинностями в пользу землевладельца. Логично, что русские князья раннего Средневековья, также как западные феодальные короли, главным своим жизненным предназначением видели способствующее увеличению обложения расширение границ своих владений как посредством купли, так и при помощи многочисленных войн.

Особняком стояли вольные Новгород и Псков, но и они, по большому счету, были вотчинами с той разницей, что во главе “обычных” вотчин были князья, а в этих городах – вече¹², или собрания свободных лиц, решавшие ключевые вопросы на народных сходах, и, конечно, князья (“сити-менеджеры”, призывавшиеся со стороны). Как пишет Алексей Автономов, “управление Новгородом и Псковом строилось в целом одинаково, хотя имелись и некоторые отличия. В обоих городах главенствующее положение оставалось за вечем. Оно избирало и увольняло всех должностных лиц, приглашало и изгоняло князя (во избежание усиления княжеской власти в 1136 г. новгородское вече приняло законодательный акт, по которому князь и представители его свиты не имели права приобретать землю в собственность в пределах территории, находившейся во власти города. – *Н.К.*). В частности, на вече избирался посадник (в Пскове – двое посадников). Он председательствовал на народном собрании, контролировал деятельность князя и других должностных лиц. Судебные функции князь осуществлял только в присутствии посадника. Избирался также тысяцкий, который в мирное время ведал торговлей и осуществлял суд по торговым делам, а в военное – командовал новгородским ополчением. Вече избирало и архиепископа (в Пскове – епископа)... Новгород делился на пять концов (Псков – на шесть). В каждом конце, на каждой улице созывалось свое вече, избирались соответственно кончанские и уличанские старосты. Пригороды также пользовались определенным самоуправлением”¹³.

В русских Новгороде и Пскове еще в XI–XII вв. было очевидным то, что почти через тысячелетие “открыл” Хайек: “Предостаточно признаков того, что неограниченная демократия движется к гибели, и крах будет сопровождаться не криками радости, а слезами сожаления. Уже сейчас ясно, что многие сформировавшиеся ожидания могут оправдаться только при условии передачи права принятия решений из рук выборных органов коалициям организованных интересов и их наемным экспертам”¹⁴.

В отличие от большинства стран Европы, в России вольные города так и не стали самостоятельными государствами. Со временем посредством войн, где дополнительным фактором инициирования боевых действий было стремление захватить и установить на территориях единый налоговый, правовой и хозяйственный порядок через физическое уничтожение или порабощение конкурентов, эти города растворились в русском государственном единичии. Новгород был присоединен к Московскому государству в 1478 г., а Псков вошел в состав Московии в 1510 г.

Кстати, вече как способ решения насущных политических и социально-экономических проблем было древним механизмом, берущим свое начало еще в первичной славянской догосударственной формации. Как показал Игорь Фроянов, “с переменами, происходившими в социальной структуре восточнославянского общества, менялось и учреждение: племенное вече эпохи первобытного строя отличалось от волостного веча второй половины XI–XII веков”¹⁵. То есть по мере перехода от родовой общины к владельческой возрастало и значение совместно выработанных и одобренных решений, но уже не на межсемейном или

¹² Слово “вече”, по-видимому, имеет тот же корень, что древнеславянское “вет” – говорить, знать, советовать. В современных славянских языках “вече” сохранилось, например, в сербском языке (собрание, коллегиальный орган). В польском языке есть слово “wies”, означающее “митинг”. Словом “вече” в исторической литературе обозначается древнее народное собрание.

родовом, а на общинном, а после – межпоселенческом уровнях, причем в строгих государственно-правовых рамках.

Впрочем, на отдельных территориях внутреннее уложение общин долгое время оставалось относительно самостоятельным. Это прежде всего так называемые “поморские” города (Великий Устюг, Вятка [прежнее название Вятки – Хлынов], Кайгородок, Каргополь, Кевроль, Кола, Пермь, Соликамск, Сольвычегодск, Тотьма, Черанда, Яренск), а также территориальные образования в Сибири и на юге России, где еще долгое время существовал упраздненный в центральной части страны порядок перехода крестьян с места на место. Особый статус “поморских” городов сохранялся вплоть до 1699 г., когда Петр I отдал все поморские уезды в ведомство земских бурмистров. Однако главная причина, по которой “поморские” города и приравненные к ним территории обладали свободным статусом, – это недостаточный контроль за удаленными территориями.

Черты относительной неуправляемости регионов мы можем найти и в современной России. Однако нынешняя “свободность” не является наследственной чертой русского социума в чистом виде, а возникла во многом вследствие разрушения советской сетевой структуры государственного управления, в первую очередь партийной матрицы, когда решения, принимаемые в Центре, в короткий срок принимались как руководство к действию в самых дальних уголках страны¹³. Несмотря на все потуги, новой системы государственного управления в России до сей поры так и не создано (скорее всего, не будет создано и дальше – “изобретение велосипеда” ни к чему хорошему не приводит), и единственными сетевыми организационно-управленческими структурами, пронизывающими все общество как по вертикали, так и по горизонтали, остаются правоохранительные органы с отличными от системы государственного управления задачами. К слову, одним из факторов беспримерного экономического прорыва Китая в конце XX – начале XXI в. стала как раз партийная сеть (и ось), сознательно сохраненная, пусть и в видоизмененном качестве, китайскими реформаторами во главе с Дэн Сяопином.

¹³ Вот как описывал работу ЦК КПСС в позднесоветский период министр снабжения СССР, а затем министр торговли и снабжения РСФСР С.В. Анисимов: “Те, кто не работал в Центральном комитете, не представляют себе масштабов и многогранности этой структуры. Кроме идеологических отделов в ЦК и тех, кто занимался организационно-партийной работой, были отделы по всем отраслям промышленности – оборонной, химической, строительной и т. д. Инструкторами, заведующими секторами и заведующими отделами и их замами назначали только опытных профессионалов” (*Жирнов Е.* “Мы пытались подготовиться к дальнейшему осложнению дел” // *Коммерсантъ-Власть.* – 2014. – № 15 (21 апр.). – С. 55).

Кто первый встал

Ошибочно полагать, что в период перехода общины из родовой во владельческую вся земля в вотчинах стала принадлежать исключительно князьям. Это не так. Во-первых, землевладельцами были многочисленные потомки дружинников и бояр, а во-вторых, серьезным влиянием, как позитивным, так и негативным, на экономическое развитие тех лет обладала церковь. Многочисленные монастыри были собственниками огромных земельных ресурсов и промыслов, прибывавших к ним через пожертвования, жалованные грамоты и различного рода договора купли или обмена, кои в Средние века представляли настоящий клад для самых разных способов обходить государственные (княжеские) ограничения и запреты. Правилom было и освобождение монастырских крестьян от волостных податей и повинностей. В тот период земельные участки стали подразделяться на белые (свободные от повинностей и податей), дворцовые (основным предназначением которых было снабжение княжеских дворцов всем необходимым) и черные (наибольшие земельные массивы, раздаваемые с целью взимания с них самых разнообразных сборов в пользу князя-землевладельца). Монастырские земли принадлежали к ресурсам первой категории.

Не является ли неявно пренебрежительное отношение власти к организационному развитию бизнеса ментальным наследием той поры, когда черные земли предоставлялись с целью уплаты тягла? В современной России все именно так: несколько сотен крупных предприятий формируют до половины доходной части федерального бюджета, а остальные пять миллионов юрлиц и индивидуальных предпринимателей существуют как бы сами по себе. Являясь не столько налогоплательщиками, сколько травой на “поляне”, предназначенной для извлечения нелегальных доходов бюрократией, временно (до смены “караула”) приватизировавшей государственные функции и превратившей свои обязанности в приносящие доход активы.

И еще. Многие наверняка не раз обращали внимание на поверхностное отношение в современной России к правомочиям собственности, причем не только на личное имущество, но и на производственные активы, особенно в части контроля за соблюдением этих прав. Специфическое российское рейдерство середины нулевых отчасти получило столь широкое распространение (тезис об откровенных провалах в нормотворчестве и правоохранительной системе принимается без обсуждения) вследствие вековой русской привычки не придавать сколько-нибудь серьезного значения охране собственных имущественных прав.

Обратите внимание, как общинники владельческих времен идентифицировали права собственности на землю, лесные угодья или водные участки рек и озер. Историки неоднократно указывали, что границы общинных владений изначально определялись не искусственным размежеванием, а старинным, невидимым в правовой плоскости договорным обычаем, часто встречающимся в грамотах той поры: “Куда топор, соха и коса ходили”, “Что к той деревне изстари потягло”, “Расчисти и твое”, “Кто первый пришел с косой, тот и прав”, “Кто бере, тот и оре” (орало – плуг. – *Н.К.*).

Но даже когда вопрос о разграничении прав собственности встал во весь рост, русские по-прежнему не спешили четко идентифицировать и документировать свои правомочия. Такое поведение отчасти было связано с неэффективностью работы органов кадастрового учета и контроля, а отчасти – с упованием на традиционный русский авось. Ведь какова ментальная подоплека самостроев и самозахватов, возникавших и в новейшие, и в советские, и в древние времена? Русский человек размышлял так: раз я построил (переоборудовал, переделал) или самовольно захватил землю с последующими облагораживанием и возведением строений, значит, я вложил в этот актив свой труд, следовательно, государство должно пойти мне навстречу и постфактум зарегистрировать права собственности на при-

надлежащее мне по праву вложенного труда имущество. Удивлению, разочарованию людей после того, как им отказывают в правах собственности на тот или иной актив, больше того, указывают на необходимость сноса незаконно возведенных конструкций или устранения незаконных технических усовершенствований, нет предела.

А что же починки, разве это не свидетельство зарождения частной собственности на Руси? Поначалу, когда неосвоенной земли было вдоволь, а окрест других домохозяйств не наблюдалось, починки, возможно, и были предвестниками частного землевладения. Однако по мере разрастания починков, превращения их в более крупные населенные пункты, а также учитывая то, что община имела свойство селиться разрозненно и общинной единицей, как правило, считалось не село, а волость, все чаще возникала ситуация, когда починки либо входили в состав более крупных общин (вариант – изначально были частью общин), либо, что было редкостью, сами становились ядром новых обществ.

Если уж и говорить о частной собственности в тот период, то, скорее, речь пойдет не о починках, а о наместниках – княжеских представителях, вершивших на вверенных им территориях судопроизводство и, посредством временного присвоения правомочий собственности на судебное отправление, превращавших судебную власть в источник дохода. В Средние века (и не только в России) нередкими были случаи, когда суд “жаловался в виде временной или даже постоянной аренды. Общины обязаны были давать судьям корм и поборы, да уплачивать виру (денежное возмещение, штраф. – *Н.К.*) за убийства, в случае если убийцы не было на лице (убийца не был взят с поличным. – *Н.К.*). Это было древнее установление, основанное на взаимном поручительстве членов родовой общины, но которое теперь превратилось в доходную статью: кормленщик имел право на известный доход с убитого тела, и если он не мог взять его с убийцы, то взыскивал деньги с общины, в округе которой найдено было тело”¹⁶.

Вот как иллюстрировал средневековую российскую судебную систему австрийский дипломат барон Сигизмунд фон Герберштейн, побывавший в Москве в 1517 и 1526 гг.: “Хотя государь очень строг, тем не менее, всякое правосудие продажно, причем почти открыто. Я слышал, как некий советник, начальствовавший над судами, был уличен в том, что он в одном деле взял дары и с той, и с другой стороны и решил в пользу того, кто дал больше. Этого поступка он не отрицал и перед государем, объяснив, что тот, в чью пользу он решил, человек богатый, с высоким положением, а потому более достоин доверия, чем другой, бедный и презренный. В конце концов государь хотя и отменил приговор, но только посмеялся и отпустил советника, не наказав его. Возможно, причиной столь сильного корыстолюбия и бесчестности является сама бедность, и государь, зная, что его подданные угнетены ею, закрывает глаза на их проступки и бесчестье как на не подлежащие наказанию. У бедняков нет доступа к государю, а только к его советникам, да и то с большим трудом”¹⁷.

Российское судопроизводство и поныне многими воспринимается как способ получения стабильного коррупционного дохода – ментальные корни уходят в давние века. Более того, в среде организованной преступности неформальный третейский судья, руководствуясь неписанным воровским уставом, по-прежнему имеет право потребовать определенный процент от спорных активов двух несогласных с позициями друг друга сторон. Как в который уже раз выясняется, институциональная живучесть не тождественна институциональной доброкачественности.

Выше упоминались источники происхождения российского nepoтизма. Дополним сословную ветвь собственнической. Как писал Стефан Хедлунд, “как только большевики подавили денежное обращение, они вернулись к старой системе вознаграждения своих служащих при помощи кормления

и поместья, принятой еще в Московии (в “доромановский” период. – *Н.К.*). Местным партийным начальникам позволялось набивать карманы примерно так же, как кормленщикам старых времен. Служилые высокого уровня в новом служилом государстве превратились в современных помещиков, которым предлагалось ограниченное использование различной государственной собственности; примерно на таких же условиях владели землей бояре и даже монастыри в Московии. То, как военным начальникам было позволено использовать рекрутов в качестве бесплатной рабочей силы, иногда отдавая их работать на предприятия, которым не хватало рабочих рук, также напоминало старую систему приписных крестьян¹⁸. Люди, конечно же, были недовольны столь одиозной государственной системой, но недовольство их было своеобразным и основывалось на неистребимом желании встать в один ряд “с небожителями”. И, надо признать, у многих это получалось: социальные лифты, пусть с советской спецификой, работали хорошо.

Слияние земель

Разделение земель на белые, дворцовые и черные, сохранялось до начала XVIII в. и окончательно исчезло после Указа Петра I от 1724 г. о введении подушной подати. Отныне налогом облагались все мужчины податных сословий независимо от возраста (исключая дворян и лиц духовного сословия), а ставки подушной подати для различных категорий податного сословия были неодинаковыми: так, бывшие владельческие крестьяне, включая монастырских, ставшие государственными, платили больше, чем крепостные.

Отмирание владельческой общины, возникновение общины государственной, а с этим – очередной передел земель, произошли вследствие действия нескольких обстоятельств. Во-первых, так как отныне подать взималась с конкретного лица, каждый плательщик должен был получить достаточный участок земли, используя который он мог бы исполнять свои податные обязанности. Во-вторых, по мере увеличения численности членов общины возникла необходимость в переделе земли, что и осуществлялось относительно легко, поскольку земля принадлежала либо казне, либо частному лицу, а крестьяне признавались лишь временными владельцами, прикрепленными к земле с целью содержания государства (землевладельца). В-третьих, с введением подушной подати, для упрощения передела и взимания тягла села начали укрупняться, а мелкие деревни и хутора – исчезать, стираться. Как писал Чичерин, “теперь уже мы не видим разбросанных деревень, везде лежат большие села, окруженные широкими, пустынными полями”¹⁹.

В то же время подобные трансформации если и отразились на экономическом менталитете русских, то несущественно: как и прежде, наши предки воспринимали права собственности в первую очередь через результат вложенного труда, никуда не исчез общинный порядок бытия, а патернализм оставался основой отношений между народом и властью.

Вот как выглядело перелицевание общины из владельческой в государственную через призму нормотворческих новаций. В 1754 г. государственная межевая инструкция предписала вернуть земли, отчужденные после смерти их владельцев людьми, не положенными в подушный оклад, и утвердить продажи земель между посадскими людьми и крестьянами. Межевая инструкция 1766 г. ввела запрет на любую продажу и отчуждение земель, хотя прежние приобретения посадских людей остались в силе. В 1775 г. черносошные крестьяне вместе с другими поступили под начало казенных палат. Наконец, в конце XVIII в. государство окончательно утвердило внутреннее управление общин, на примере Екатеринославской губернии выглядевшее так: в селении более тысячи дворов учреждался сельский старшина, на каждые пятьсот дворов – сельский староста, двое разборщиков и сборщик податей, причем старшин и старост положено было выбирать через три года, разборщиков и сборщика – ежегодно. Выбирать можно было только чиновного человека или селянина не моложе 25 лет, владеющего в селе двором или землей, женатого, имеющего детей, не замеченного в подозрениях и пороках. Для исполнения полицейских функций на каждые сто дворов учреждались сотские, а на каждые десять дворов – десятские (нечто подобное за столетия до этого наблюдалось в вольных Новгороде и Пскове). Община могла распоряжаться бесхозными дворами, пашнями, сенокосами, сдавать пустующие земельные участки в аренду, привлекать новых поселенцев, меняться земельными участками с соседями или выкупать их, наконец, защищать свои земли от посягательств сторонних лиц, в том числе при помощи подачи челобитных. Общине также дозволялось иметь свою казну, избу и писаря, нанимать сторожей и пастухов, исключать прежних и включать новых членов. Община стала частью подчиненной государству русской системы местного самоуправления.

Демократия и коллектив

Как видно, община, став государственной, вместе с тем не утратила черт вечевого демократического института. Однако в отличие от общины семья на Руси вплоть до XX в. оставалась институтом патриархальным, где ни о какой демократии речи не шло и где всевластным правителем был большак – старший из активных и здоровых мужчин. К слову, у многих иностранных исследователей истории общественно-политического быта России по мере знакомства с русской ментальностью возникал когнитивный диссонанс (познавательное несоответствие): с одной стороны, налицо были элементы демократии при управлении общиной, с другой – незыблемой традицией оставался жесткий внутрисемейный патриархат.

Отмена крепостного права в 1861 г. не повлияла на статус общины – «крестьянское “общество” стало той сельской административной единицей, с которой власть была готова иметь дело (сами крестьяне слово “община” не использовали, а свои объединения называли миром или обществом, причем последнее название фигурировало и в государственных бумагах)... На начало XX столетия в Российской империи насчитывалось 107 815 сельских обществ, объединявших 232 907 населенных пунктов (для сравнения: на 1 января 2015 г. в России насчитывалось 22 923 муниципальных образования, в том числе городских округов – 535, а сельских поселений – 18 654²⁰. – Н.К.) ...Эти образования не только подчиняли порядку крестьянский труд, но и обеспечивали своим членам серьезные социальные гарантии, поэтому многие видели в крестьянской общине прообраз социального государства будущего»²¹.

В общине находятся истоки еще одной черты русского экономического характера – не только трудового, но и бытового коллективизма. “Община давала своим членам довольно серьезные социальные гарантии. В случае чрезвычайных происшествий – пожара, болезней и прочих неприятностей, да и просто когда работы становилось слишком много и люди переставали справляться, община приходила на помощь. Крестьянский мир посылал здоровых людей топить печь, готовить еду и ухаживать за детьми в тех домах, где все работоспособные члены семьи были больны. Вдовы и сироты могли рассчитывать на помощь в обработке земли или уборке урожая. В некоторых случаях помощь не была безвозмездной – человек, которому она оказывалась, должен был в будущем в какой-то форме за нее расплатиться. Например, погорелец мог просить мир поставить ему новую избу. Мир выделял лес под вырубку, предоставлял рабочую силу и т. д. Когда же погорелец становился на ноги, он выплачивал долг. Существовала также традиция прощать долги такого рода за угощение, то есть за еду и питье, которыми хозяин потчевал пришедших помочь”²².

Общинное наследие в ракурсе помощи и взаимовыручки никуда не исчезло и после Октябрьского переворота. Многие бывшие крестьяне, ставшие к тому времени пролетариями, в периоды сева или сбора урожая массово покидали рабочие места и разъезжались по родным деревням. Кстати, нечто похожее на дореволюционную и раннесоветскую временную трудовую миграцию можно было не так давно наблюдать в Китае, где бывшие члены крестьянских коммун в начале осени также покидали предприятия и отправлялись в родные деревни для аграрной помощи родственникам. Снизить массовую временную миграцию в советские годы помогли индустриализация и коллективизация, когда работники фактически были закрепощены на своих рабочих местах / ареалах проживания.

В советский период традиция дармовой трудовой помощи нуждающимся была подхвачена и продолжена в формате субботников или воскресников. Разница в том, что в роли “нуждающегося” в субботниках, как правило, выступало государство, в воскресниках – социалистические общины в миниатюре: жилищностроительные кооперативы (ЖСК), объединения жильцов дома или улицы, предприятия сферы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Во всех случаях бесплатная работа подавалась как праздник со всеми общинными атрибутами: оркестровым сопровождением, песнями, застольями по окончании работ, нематериальным поощрением отличившихся.

Как у людей

Общинный менталитет русского человека вряд ли можно назвать чем-то уникальным в мировой истории. Приблизительно те же институциональные рамки можно применить к китайской цивилизации, базовыми чертами которой выступают оптимизм, бюрократический авторитаризм, примат семьи; и, конечно, к индийской, где сельская община была чрезвычайно устойчивым образованием и, как в России, базовой единицей общества была семья, а не индивид²³. Кстати говоря, Лал, описывая материальные представления индийцев, приходил к выводу, что представления эти отнюдь не способствовали развитию торговли и экономическому росту: “Базовый человеческий инстинкт торговать был... разрушителен для оседлого земледелия. Торговцы мотивированы инструментальной рациональностью, которая максимизирует экономические преимущества. Это угрожало бы коммунальным связям, которые все аграрные цивилизации пытались пестовать. Неудивительно, что большинство из них смотрело на купцов и рынки как на необходимое зло и стремилось подавлять первых вместе с рынками, являющимися их институциональным воплощением”²⁴.

В институте общины как весомой части социального капитала русского общества, в особенностях национального экономического характера кроются ответы на многие “скользкие” вопросы – почему современные российские госкомпании часто предоставляют своим иностранным контрагентам особые условия при приобретении тех или иных российских товаров, почему общество традиционно плохо относится к коммерсантам или по каким причинам люди недолюбливают торговые сети. И пусть в современном экономическом мейнстриме общепризнанной считается позиция, согласно которой определяющее значение в современной экономике имеют институты или правила игры в обществе, а “качество игры в большей степени зависит от качества ее правил, чем от мастерства игроков”²⁵, не станем игнорировать не то чтобы альтернативную, но дополняющую предыдущую точку зрения об институтах: экономические акторы “работают хорошо не только потому, что придерживаются официальных правил игры, но также вследствие соблюдения этики, когда внутренняя мотивация подкрепляется этическими воззрениями людей”²⁶.

Навыки демократического решения низовых социальных вопросов у нас, как видно, есть, но одновременно присутствует и стойкое недоверие к демократии как к механизму решения вопросов при управлении государством, поскольку демократия не согласуется с исторически присущим нам патернализмом. В этом плане вполне объяснимы некоторые тенденции общественного мнения России, тонко подмеченные Ричардом Пайпсом в ходе анализа социологических опросов, проведенных в начале нулевых в первый срок президентства Владимира Путина. Тогда (да и сейчас) подавляющее большинство россиян считало демократию разновидностью мошенничества, население чувствовало себя комфортно в государстве с одной партией, многие хотели вновь увидеть Россию великой державой и считали, что этатизм, или активное вмешательство государства в экономическую жизнь, было способом достижения этой цели²⁷. Стоит ли удивляться завидной общественной поддержке действий российского руководства в середине второго десятилетия XXI в. в отношении с

Украиной, Сирией, Турцией, некоторыми другими государствами, мирное сосуществование с которыми по разным причинам было разрушено?

Нормы нравственного поведения русского социума со временем не претерпели сколь-нибудь существенных изменений, хотя определенные подвижки, обусловленные естественными преобразованиями, такими, как, например, урбанизация, все же имеются. Менталитет, с одной стороны, может служить тормозом экономического развития (не зря же российские сторонники либеральных экономических устоев часто пеняют, что им не повезло с народом), но с другой стороны, как это видно на примере Китая или Индии, может стать тем подспорьем, что приведет к ускоренному росту экономики и уровня жизни людей.

Кстати говоря, примеры Индии и Китая делают несостоятельной точку зрения, будто русское общество “отстало” в своем развитии от “прогрессивного” западного общества. Как показывает новейшая экономическая история, грамотно, эффективно используя особенности национального этоса, сохраняя уклад социального капитала, довлеющего в обществе на протяжении многих поколений, и одновременно применяя позитивный опыт экономического развития, в изрядном количестве накопленный за последние десятилетия, Россия может продемонстрировать настоящие чудеса экономического развития в том случае, если сможет разбудить не только общинные или семейные, но и другие социальные черты национального характера.

Но об этом несколько позже. Пока же поговорим о такой неотъемлемой части общинного, да и не только общинного, бытия, как круговая порука.

* * *

¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. – М., 2004. – С. 31.

² Веблен Т. Теория праздного класса: Пер. с англ. / Вступ. ст. и примеч. С.Г. Сорокиной; Общ. ред. В.В. Мотылева. – Изд. 4-е. – М., 2011. – С. 200.

³ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. – 3-е изд. – Челябинск, 2012. – С. 5.

⁴ Там же. – С. 49.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. 3: Т. XI–XV. – 2-е изд. – СПб., 1895. – С. 664.

⁶ Боханов А.Н. Последний царь. – М., 2006. – С. 148.

⁷ Неклесса А. Палитра русской цивилизации // Независимая газета. – 2015. – 13 янв.

⁸ Робинсон Р. Черный о красных. 44 года в Советском Союзе. Автобиография черного американца / Пер. с англ. Г. Лапиной. СПб., 2012. Цит. по: Коммерсантъ Weekend. – 2016. – № 2. – С. 28.

⁹ Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. – М., 2014. – С. 6, 57.

¹⁰ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. – Т. 1. – М., 1869. – С. XVI.

¹¹ Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. Ромашко; Общ. ред. и послесл. М. Рыклина; предисл. Г. Шолема. – М., 1997. Цит. по: Коммерсантъ Weekend. – 2016. – № 1. – С. 18.

¹² Пространная редакция Русской Правды (По Троицкому списку второй половины XV в.). Цит. по: Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года: Учебное

пособие для пед. ин-тов по специальности № 2108 “История” / Сост. П.П. Епифанов, О.П. Епифанова. – М., 1987. – С. 48–63.

¹³ Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия / Под общ. ред. А.В. Иванченко. – 2-е изд., доп. – М., 2005. – С. 17.

¹⁴ Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; Под ред. А. Куряева. – М., 2006. – С. 22.

¹⁵ Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. – Л., 1980. – С. 184.

¹⁶ Чичерин Б.Н. Указ. соч. – С. 24.

¹⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988. – С. 120.

¹⁸ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / Пер. с англ. Н.В. Автономовой; Под науч. ред. В.С. Автономова; Нац. исслед. ун-т “Высшая школа экономики”. – М., 2015. – С. 201–202.

¹⁹ Чичерин Б.Н. Указ. соч. – С. 45.

²⁰ Россия в цифрах. 2015: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 49.

²¹ Кравецкий А. Общины и следствия // Деньги. – 2015. – № 30–31. – С. 43.

²² Там же. – С. 44–45.

²³ См.: Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты: Пер. с англ. Т. Даниловой. – М., 2007. – С. 50.

²⁴ Там же. – С. 138.

²⁵ Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия / Пер. с англ. под ред. А.П. Заостровцева. – СПб., 2005. – С. 262.

²⁶ См.: McCloskey D.N. Front matter and Exordium of Bourgeois Equality [Электрон. ресурс]: How Betterment Became Ethical, 1600–1848, and Then Suspect. 2014. // Deirdre N. McCloskey: Home Page. – URL: <http://www.deirdremccloskey.org/docs/pdf/McCloskeyExordiumAugust2014.pdf> (дата обращения: 13.12.2015).

²⁷ См.: Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want // Foreign Affairs. – 2004. – Vol. 83. – No. 3. – P. 9–15.

Глава 4. Один за всех и все за одного

Многовековая приверженность круговой поруке, о которой пойдет речь в этой главе – одна из самых загадочных и противоречивых черт русского характера. Подавляющее большинство современников склонны воспринимать институт круговой поруки негативно, с явно коррупционным подтекстом. Но, как бы плохо мы к такой форме социального взаимодействия ни относились, круговая порука жила до нас, функционирует при нас и, вне сомнения, как элемент общественной жизни перейдет “по наследству” нашим потомкам.

Круговая порука – один из наиболее распространенных у нас видов коллективной ответственности, когда все члены локальной социальной ячейки поддерживают и отвечают по обязательствам других участников. Помимо этого, круговая порука – один из самых устойчивых в России социальных институтов, что и поныне отражают “правила игры” в обществе, или, “выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми”¹. Да, круговая порука в глазах общества имеет ярко выраженный негативный оттенок, в то же время мушкетерский девиз “один за всех и все за одного”, по своему смыслу олицетворяющий все ту же круговую поруку, у большинства читателей идиосинкразии наверняка не вызовет. В чем же причины столь неоднозначного отношения к этой форме не только ответственности, но и солидарности вкупе с взаимопомощью?

Круговая порука существовала на Руси издревле и имела, как мы сейчас увидим, распространение во всех сословиях. При отсутствии либо недостаточной проработке, а также при традиционной российской многозначности толкования формальных правил жизнедеятельности в общественных, ратных, бытовых, семейных ситуациях, круговая порука была одной из немногих эффективных форм организации, контроля и принуждения, позволявшей соблюдать неписанные нормы и обычаи. Главная роль, которую институт круговой поруки играет в обществе, заключается, следуя Дугласу Нортю, “в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой (хотя не обязательно эффективной) структуры взаимодействия между людьми”².

Круговая порука на Руси пошла из семьи, рода, когда отец, мать, старшие братья и сестры, другие родственники помогали младшим, а затем все вместе – престарелым родителям и опять же родственникам¹⁴. Больше того, во многих российских семьях и поныне сохраняется обычай, когда младший ребенок после своего взросления остается жить с родителями, непосредственно помогая и обеспечивая их в силу своих сил и возможностей, не оставляя, впрочем, заботу и о собственной семье. Кроме того, до сих пор во многих семьях в ходу ритуал, подтверждающий принятие неписаного устава семейной круговой поруки, когда одного из сыновей при рождении называют по имени его счастливого деда (отца свежеспеченного отца). Обычай семейной круговой поруки – межпоколенческий, а пример, который показывают детям их родители, заботливо относясь к своим родителям, в будущем с большой долей вероятности вернется к ним в виде возможности воспользоваться помощью в старческой немощи. Еще один важный аспект: при относительной размытости прав и активов наследования, основной капитал, который могут передать молодым членам семьи или рода старшие, – это космологические, житейские, экономические, общественные, научные знания, со временем, как вы теперь, надеюсь, уже понимаете, неустареваю-

¹⁴ Круговая порука между мужем и женой, полагаю, в пояснениях не нуждается. Как и то, что после развода действие негласного договора о круговой поруке прекращается. Со всеми вытекающими “пикантными” подробностями из прошлой жизни суженых.

щие. Собственный опыт передается как наследие прошлого, а житейская мудрость – как лоцманская карта для будущего. Кстати, нечто похожее в советские времена отмечалось в трудовых коллективах, но те традиции нынче (пока) не востребованы. Это первый уровень становления круговой поруки, или взаимных обязательств членов семьи, рода, клана. На втором уровне круговая, точнее, уже общественная порука проявляется на более высокой ступени, в нашем случае – на уровне общины или квазиобщинных неформальных объединений, унаследовавших общинные принципы взаимодействия. Круговая порука в русских общинах покоилась не только на основе противодействия возможным природным или человеческим угрозам и опасностям (здесь можно было обойтись столь присущими русским сопричастностью, отзывчивостью, человеколюбием), но и отношения к потенциальным выгодам: от богатого урожая до совместной помощи одаренным детям или родственникам. Многие молодые люди, приезжая “устроиться” в крупные города, изначально останавливались или у родственников, или у ранее “закрепившихся” земляков. Причем последние протягивали руку помощи безотносительно будущих успехов молодого соплеменника, вне зависимости от его одаренности (землячество – еще один пример круговой поруки). Квазиобщинными объединениями можно назвать и нынешние корпоративные коллективы, профессиональные экспедиции или, к примеру, уличную дружбу, когда входящие в ту или иную группировку молодые люди совместно делят не только радости, но и горести и выстраивают эмоциональные связи в зависимости от общего понимания настоящего и будущего. В нынешней России популярен пример подобной круговой поруки, когда при разборках к конкурентам (“антагонистам”) вначале подсылают младшего, чтобы потом, когда с ним поступят “несправедливо”, спина к спине заступиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.